PG 3226
.T67
1829

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

ЦЕФЕЙ.

Tsefei

ЦЕФЕЙ.

АЛЬМАНАХЪ

на 1829 годъ.

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА,
при Императорской Медико-Хирург. Академіи.
1829.

PG 3226
.T67
1829

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЕНО

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, представлены были въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра. Москва, Января 8 дня 1829 года.

Цензоръ Левъ Цвѣтаевъ.

88-179444
05-30-88
EP62

СОДЕРЖАНІЕ.

Стран.

Григорьева :

Черкесъ.....141
Сонъ любви.....164
Элегія.....185
Осада Чираха.....208
Набѣгъ Горцевъ.....252

Ж—ва :

Пирръ.....132
Взятіе Азова.....196
Походъ къ Азову.....219
Подражаніе Іову.....247

К :

Видѣніе Рафаэля.....24
Преступникъ.....121

Стран.

Евгеніи.....127

Отрывокъ изъ трагедіи Шиллера:
Марія Стуартъ.....166

Ламбера:

Весна.....38

Жизнь.....118

Степ—ова:

Сонъ.....35

Прощаніе молодаго Поэта съ жизнію 182

Пѣснь Фингала на развалинахъ Балкуты.....243

Стройскаго:

Мечтатель (Повѣсть).....41

Стр—:

Кузнецкій мостъ.....223

Ш—аго:

Біографія N.....37

Надпись къ изображенію осла.....40

Сртан.

Ю:

Колыбельная пѣснь Лорда Рональда...162
Листокъ изъ моего журнала.....187

N. N:

Мысли, выписки и замѣчанія.....144

* * *

О Классицизмѣ и Романтизмѣ.....5

ОПЕЧАТКИ.

Ст.	*Стрк.*	*Напечатано :*	*Слѣдуетъ читать :*
10	2	въ классическихъ	въ пластическихъ
38	13	тамъ—сминъ	тамъ—ясминъ
52	10	der gürtel	den gürtel
129	17	скозь	сквозь
153	2	Ромашизма	Романтизма
169	10	Низринула	Низринули

ЦЕФЕЙ.

О
КЛАССИЦИЗМѢ и РОМАНТИЗМѢ.

Прежде, нежели начнемъ говорить о различіи между сими двумя родами поэзіи, нужно опредѣлить образъ воззрѣнія древнихъ на природу, разсмотрѣть ихъ религіозныя и психологическія понятія, степень развитія ихъ нравственной природы, изслѣдовать, какъ и гдѣ искали они идею прекраснаго, и показать измѣненіе всего этаго у новыхъ; тогда толь-

ко можно увидѣть различіе поэзіи (поэзіи въ общемъ значеніи слова), увидѣть какъ, въ чемъ и когда она измѣнилась, а отсюда вывести возможность самостоятельнаго, самобытнаго существованія той и другой поэзіи.

Въ странѣ, гдѣ природа является во всемъ величіи и блескѣ, гдѣ она истощила всѣ дары свои, чтобы украсить видимый міръ, гдѣ все гармонія, все очарованіе, красота и правильность — люди естественно должны быть привязаны къ вещественной природѣ, должны ее постигнуть и въ ней искать наслажденій и удовольствій.

Такъ случилось съ древними Греками. Живя въ обильной, щастливой и роскошной странѣ, они многимъ были обязаны

видимой природѣ; родясь и воспитываясь подъ вѣчно-яснымъ небомъ блаженнаго края, гдѣ природа не утратила первоначальной, юной красоты своей, — они отъ нея получали первыя впечатлѣнія восторга, удивленія и радости, имѣя одушевленныя картины высокаго и прекраснаго. — Сіи представленія невольно поражали ихъ, сообщали имъ вдохновеніе или возбуждали познающую способность и заставляли размышлять людей. Эта привязанность ко внѣшней природѣ имѣла вліяніе на вкусъ, на образъ мыслей, словомъ на все, что составляетъ внутреннее бытіе народа. — Симъ объясняется чувственность религіи древнихъ; они не умѣли себѣ представить другаго міра, и все духовное, неземное

перенесли на землю; дали жизнь неодушевленному, дали образъ невидимому. Таже матеріяльность видна въ понятіяхъ о душѣ, ибо едва они отдѣляли грубый организмъ отъ нравственной природы и всюду переносили его, а потому они понимали вѣчность, какъ перемѣну мѣста, а не какъ преобразованіе духовной жизни, хотя они создали другій міръ, но оставались постоянными обитателями земли, (что болѣе доказываетъ метампсихозная система).

И здѣсь-то была колыбель классической поэзіи, здѣсь она родилась и разцвѣла. Греки, обладая глубокимъ познаніемъ вещественной природы, совершенно постигнувъ ея красоты, въ ней искали прекраснаго. — Они не ошиблись, ибо

природа, какъ осуществленный идеалъ изящнаго, можетъ быть предметомъ вдохновенія, можетъ удовлетворить чувству прекраснаго; и природа не обманула своихъ любителей; — она не была безотвѣтна на ихъ призваніе, она являлась безъ покрова своимъ избраннымъ, открывала имъ изящное, а они изображали его въ своихъ произведеніяхъ и передавали такому народу, который, по какому-то врожденному чувству, зналъ природу, умѣлъ разгадать ея тайны и всѣхъ болѣе былъ въ состояніи оцѣнить и понять произведенія вкуса; вотъ почему классическая поэзія была такъ согласна съ духомъ того времени. Но такая поэзія могла существовать только въ искусствахъ образовательныхъ, и древніе дѣй-

спвительно сдѣлали въ нихъ неимовѣрные успѣхи, а особливо въ классическихъ, въ которыхъ оставили они образцы неподражаемые и можетъ быть вѣчно-недостижимые для усилій потомковъ. — Ваяніе, какъ искуство чувствъ и способное для изображенія видимаго, было торжествомъ Грековъ; имъ они выражали всѣ чувства высокаго, прекраснаго, небеснаго и проч., какія только получили отъ созерцанія физическаго міра. Они оставили памятники (какъ на прим. Аполлонъ Бельведерскій и Венера Медицисъ), гдѣ искуство оспориваетъ у природы первенство въ изображеніи изящнаго въ вещественныхъ формахъ и гдѣ природа завидуетъ искуству. Архитектура не подвинулась ни на шагъ къ совершенству

и обратилась у насъ въ механическое искуство; у древнихъ же она была проявленіемъ чувства гармоніи и согласія, величія, точной и строгой правильности, повсюду замѣчаемой въ природѣ. Но довольно ли было одного видимаго для собственно называемой поэзіи? Безъ сомнѣнія нѣтъ, и потому древніе поэты обратились къ нравственному міру и

1е Брали изъ него то, что составляетъ какъ бы пластическую, ощутительную часть духовной природы, т. е. характеръ, нравственную физіогномію человѣка, его внутренній видъ (если можно такъ выразиться въ противоположность наружному); и надобно отдать справедливость, что они успѣли въ изображеніи ихъ съ искуствомъ глубокихъ

наблюдателей, щастливыхъ любимцевъ природы, которое всегда у нихъ замѣтно въ описаніи вещественной природы.

2е Изображали страсти, но въ такомъ видѣ, въ какомъ онѣ существовали у Грековъ, а онѣ были у нихъ на первой степени развитія. Такъ на примѣръ любовь, которая всего болѣе принадлежитъ поэзіи, какъ проявленіе чувства прекраснаго, отъ обыкновенной любви органическихъ существъ отличалась только внутреннимъ влеченіемъ къ изящному въ наружныхъ формахъ. Слѣдственно предметъ любви былъ на равнѣ съ прочими физически-прекрасными предметами, и дѣйствія ея на душу почти ограничивались обыкновенными впечатлѣніями наслажденій чувственныхъ на нравственную при-

роду человѣка по непонятной, но тѣсной связи души съ тѣломъ. Сими двумя средствами, совокупно съ религіозными понятіями, производилось дѣйствіе эпической поэмы.

3е. Представляли дѣйствія посредствомъ лицъ, но поступки людей не вводили въ кругъ явленій нравственной свободы человѣка, всегда независимой, дѣйствующей по собственнымъ законамъ; но добродѣтель, пороки, страсти, волю его подчиняли неизмѣннымъ предопредѣленіямъ, непостижимымъ уставамъ слѣпой судьбы: — и такимъ образомъ все духовное, высокое, дѣлалось у нихъ чѣмъ-то машинальнымъ. — Слѣдовательно такая драмма исключала ту игру страстей, ту борьбу земнаго съ нрав-

ственнымъ, тѣ удивительные феномены человѣческаго сердца, которые изъясняются законами духа человѣческаго, словомъ: все почерпнутое изъ глубины души, все что занимаетъ насъ въ новой трагедіи.

4е. Выражали собственныя чувства восторга, удивленія при взглядѣ на величіе творенія, или производимыя высокими подвигами, что составляло ихъ Лирику, и хотя она почти одинакова у всѣхъ народовъ, однакожъ древняя отличалась отъ нынѣшней. Та служила для выраженія впечатлѣнія, передаваемаго душѣ чувствами, (сюда относятся всѣ оды Анакреона, Мосха, Біона, Сафо и проч.); въ этой поэтъ передаетъ внутреннія, душевныя движенія, непосредственно

зависящія отъ нравственной природы человѣка; онѣ возбуждаются и живутъ въ сердцѣ сами собою и изливаются въ стихотвореніи словами, какъ въ музыкѣ неопредѣленными звуками.

5е. Разсматривали нравственную природу со стороны согласія съ видимою и глядѣли на духовное существо, какъ на часть въ гармоніи цѣлаго: здѣсь они не выступали изъ предѣловъ вещественнаго. — Такова ихъ пастушеская поэзія.

Поэзія у всѣхъ народовъ имѣетъ свои отличія, свои особенности, зависящія отъ разности въ характерѣ и образѣ мыслей народа, и онѣ-то составляютъ народность поэзіи. Но ежели измѣнится духъ народа, если время сдѣлаетъ какую нибудь перемѣну въ природѣ человѣка,

если его врожденныя идеи возьмутъ другое направленіе, знанія получатъ иную форму, тогда поэзія необходимо должна явиться въ новомъ видѣ и принять новыя формы. — Мы знаемъ вкусъ древнихъ, ихъ образъ воззрѣнія на природу; теперь посмотримъ, какъ и въ чемъ они измѣнились: отсюда выведемъ различіе поэзіи. Наводненіе неизвѣстныхъ народовъ потопило Римскую Имперію; этотъ разливъ варваровъ разрушилъ созданный вѣками храмъ познаній и умчалъ съ собою его развалины. — И такимъ образомъ исчезли древніе и унесли невозвратно свои понятія, свой духъ, свой характеръ. Все покрылось мракомъ невѣжества; но эта мрачная ночь предшествовала блистательному дню, она покоила

сномъ дѣятельность человѣческаго духа и укрѣпляла его силы для свѣтлаго утра познаній. — Европа была населена новыми народами, которые были готовы для новыхъ понятій, и эти понятія принесла Христіанская Религія и была первымъ началомъ преобразованія: она, показывая всю высокость и важность назначенія человѣка, отверзая для него дверь будущаго блаженства, очистила его мысли, открыла новый міръ надеждъ и упованій. Заставляя переноситься мыслями въ вѣчность, убѣгать наслажденій чувственныхъ и гнушаться ими, — она отвлекала вниманіе отъ настоящаго и устремляла къ будущему; вскорѣ люди раззнакомились съ вещественнымъ міромъ; или природа уже не говорила имъ

внятно, или чувства и воображеніе не умѣли понимать ее; на мѣсто ихъ родилась нынѣшняя фантазія, и не мудрено: — Религія убѣждала людей презирать вещественное, чуждаться земнаго, манила чѣмъ-то невыразимымъ и обѣщала что-то неизъяснимое. — И такъ съ Христіанскою религіею человѣкъ приобрѣлъ развитіе духовной природы, узналъ свое нравственное достоинство; а утратилъ сродство съ внѣшнимъ міромъ. Но прежде, нежели родилась Поэзія, должны были измѣниться страсти человѣка. — Такъ любовь сдѣлалась поэзіею сердца, чувствомъ достойнымъ нравственнаго существа; ибо въ ней не одинъ организмъ дѣйствовалъ, но вся духовная природа человѣка начала участвовать.

Потому любовь была стремленіемъ къ идеалу нравственнаго совершенства, потому одушевляла къ высокимъ подвигамъ добродѣтели и чести.

Слѣдствіемъ фантазіи было чувство романическаго или страсть къ необыкновенному, сверхъестественному, чудесному, которая распространилась и въ простомъ народѣ и служитъ признакомъ въ человѣкѣ перевѣса его стороны духовной; и въ грубомъ состояніи невѣжества, по какому-то инстинкту, онъ желаетъ слиться съ невидимымъ, думаетъ сообщаться съ неземнымъ.

Теперь можно видѣть, въ чемъ должна измѣниться поэзія, какъ непосредственно зависящая отъ духа времени и народа. Она должна откинуть все матеріальное

и быть совершенно духовною, должна многаго лишиться отъ утраченнаго познанія видимой природы, приобрѣсть новыя прелести, взятыя изъ области идеальнаго, и наконецъ принять другія формы. Опытъ повѣряетъ наши заключенія; въ слѣдствіе вышесказаннаго пластическія искуства ваяніе и зодчество совершенно упали; живопись сдѣлалась выраженіемъ святаго, небеснаго и божественнаго, какъ божественна та Религія, предметы коей она изображала; но музыка и собственно такъ называемая поэзія, какъ искуства, понятныя для духовной природы человѣка и отъ ней одной зависящія, достигли высшей степени совершенства и явились совсѣмъ въ иномъ видѣ. Въ поэзіи древнихъ, какъ мы видѣли, все

было пластически - чувственное ; новая поэзія приняла видъ музыкально - духовный, что подтверждается изобрѣтеніемъ риѳмъ и тоническихъ размѣровъ ; одна видѣла для чувствъ , ими и для нихъ созидала ; другая творитъ для одного внутренняго чувства. Новые поэты , какою - то средостремительною силою, заключаютъ все внутри себя , и потому мы видимъ въ ихъ произведеніяхъ необыкновенную глубокость чувствъ , гдѣ сосредоточиваются всѣ силы душевныя , между тѣмъ какъ на Востокѣ и въ древней Греціи , гдѣ люди стараются жить внѣ себя , поэзія состоитъ не въ раствореніи сердца для тихаго вдохновенія , для глубокихъ размышленій , но въ пламенномъ порывѣ чувствъ , кото-

рыя, отъ всегдашней дѣятельности, сильно поражаютъ внѣшними предметами и отвлекаютъ вниманіе ума отъ духовнаго, для созерцанія коего требуется совершеннаго углубленія внутрь себя. Въ классической поэзіи все производилось и созидалось силою воображенія, въ нынѣшней — силою творческой фантазіи, словомъ: все приняло иной видъ, потому все требуетъ иныхъ формъ, въ которыхъ защитники Латинско-Французской школы отказываютъ новымъ поэтамъ, и произведеніямъ ихъ не даютъ права гражданства въ области прекраснаго потому только, что онѣ не основаны на теоріи Аристотеля, не разсудивъ, что правила его выведены изъ произведеній поэзіи, коей духъ вовсе не сходенъ съ нынѣшнимъ,

позабывъ, что одинъ вкусъ можетъ назначать формы для произведенія и что слѣдовательно съ измѣненіемъ вкуса измѣняются и формы.

И такъ Христіанская Религія, будучи главною причиною, измѣнившею направленіе духа и понятій народовъ, была вмѣстѣ основаніемъ другихъ причинъ, кои, уже будучи слѣдствіемъ главнаго основанія, имѣли также въ свою очередь важное вліяніе.

* * *

ВИДѢНІЕ РАФАЭЛЯ.

Италія подъ сумракомъ прозрачнымъ
Спитъ, какъ дитя съ улыбкой на устахъ;
Встревоженной давно видѣньемъ мрачнымъ,
Ей памятенъ еще минувшій страхъ;
Она его съ небесными мечтами,
Какъ съ ночью день, сливаетъ въ тихомъ снѣ;
Написанъ онъ кровавыми чертами
Ея души въ спокойной глубинѣ.
Такъ слѣдъ грозы, багровыхъ тучь громада,
Еще виситъ на свѣтлыхъ небесахъ
И смотрится, какъ черный призракъ ада,
Въ сіяющихъ спокойствіемъ зыбяхъ.
Луна плыветъ; но въ западѣ далекомъ
Отливъ зари еще не угасалъ,

Струится онъ блѣднѣющимъ потокомъ
На снѣжные вѣнцы гранитныхъ скалъ.
Сводъ неба чистъ, безоблаченъ и, мнится,
Сліялся онъ, какъ радуга, съ зарей. . . .
Вкругъ мѣсяца прозрачный паръ дымится,
Какъ океанъ вкругъ пристани святой.
Поэзія небесная, свѣтила
Плѣнительныхъ Италіи ночей,
Не вами ли Создательная Сила
Присутствіе недремлющихъ очей
Надъ спящею землей изобразила?
Не посланы ль вы Ею озарять
Сей темный міръ, и чистыя мечтанья
О Божествѣ и небѣ поселять
Въ скудѣющемъ сосудѣ упованья?
И твердь и зыбь и звѣздный океанъ
Облечены не въ ясность, не въ туманъ,
Но въ свѣтлый паръ..., зефиръ его колышетъ
И, мнится, онъ какъ грудь страдальца дышетъ,
Когда мечтой воздушной плѣнена,
Волнуема невѣрнымъ ожиданьемъ,

Въ прекрасный мигъ души очарованьемъ
Въ несбыточномъ увѣрена она.

Святая ночь, какое назначенье
Таинственно дано тебѣ Творцомъ?
Страдальцу ли готовишь ты спасенье?
Плѣняешь ли духъ алчный ты вѣнцомъ?
Зовешь ли мать рыдать на гробѣ сына?
Вручаешь ли разбойнику кинжалъ? . . .
Иль поглотитъ тебя временъ пучина
Безъ благъ и золъ, какъ въ бурю отзывъ скалъ?
Отвѣтствуй мнѣ твоею тишиною,
Внимательной къ высокимъ чудесамъ!
Отвѣтствуй мнѣ мечтательной красою,
Разлитою по тверди и зыбямъ,
Которой ты хранитель неизмѣнный,
Великихъ думъ создатель вдохновенный!
Понятенъ мнѣ твой гласъ! . . . Передо мной,
Какъ океанъ, край Избранныхъ открылся!
Всезнаніемъ исполненъ разумъ мой!
Отъ тягостныхъ оковъ освободился

Мой свѣтлый духъ, и воспарилъ туда,
Гдѣ зажжена прекрасная звѣзда,
Которой огнь меня одушевляетъ;
Гдѣ ясно все, что темно на землѣ;
Гдѣ не мечта надежду услаждаетъ;
Гдѣ будущность не кроется во мглѣ;
Гдѣ вѣчно все минутное въ сей жизни;
Гдѣ не на мигъ душа упоена,
Какъ странница на радостной отчизнѣ,
Воспрянувши отъ тягостнаго сна!

Тускла, блѣдна, чуть теплится лампада
Предъ образомъ Владычицы святой.
Съ Ея очей небесная отрада
Страдальцу въ грудь эѳирною струей
Течетъ—и міръ заглохщій въ злодѣяньи,
Окованный ничтожествомъ земнымъ,
Какъ темный мигъ въ безсмертномъ ликованьи,
Въ величіи скрываетъ передъ нимъ!
Гулъ мчится. Бьетъ протяжно часъ полночной.
Чуть освѣщенъ лампадой мрачный храмъ.

Кто, разпростертъ предъ ликомъ Непорочной,
Далекъ земли, весь преданъ небесамъ,
Смиренія слезами окропленный,
Кто чистою мольбой съ себя сложилъ
Земную цѣпь и, духомъ обновленный,
На небеса, какъ ангелъ, воспарилъ?
Раскаянье печатью роковою
Не сморщило покойнаго чела,
И страсть на немъ пылающей рукою
Глубокихъ язвъ души не провела.
Но кто же онъ? о чемъ его моленье?
Онъ сотворенъ великое свершить:
На немъ лежитъ небесъ благословенье:
Не горести—восторга слезы лить!
И не восторгъ въ сей мигъ имъ управляетъ!
Предъ образомъ поверженный во прахъ,
Не о земномъ онъ небо умоляетъ,—
Небесное горитъ въ его очахъ —
И молитъ онъ: «Владычица Святая,
Ты ангеловъ чистѣйшая звѣзда,
Къ Тебѣ летитъ мольба моя земная,

И съ сей мольбой душа моя слита!
Не Ты ли огнь небесный воспалила
Въ моей груди отъ колыбельныхъ лѣтъ?
Къ прекрасному не Ты ли устремила
Моей души блистательный полетъ?
Прекрасное въ печальномъ нашемъ мірѣ
Есть тайный ключь къ святому въ небесахъ!
Я пламенно искалъ его въ эѳирѣ,
На высяхъ горъ и въ дебряхъ и въ зыбяхъ,
Въ величіи паденья водопада,
Въ природѣ селъ цвѣтущей и простой,
Имъ вѣяла мнѣ вечера прохлада
И бури свистъ осеннею порой!
Моя душа въ блаженствѣ утопала!
Я самъ не зналъ, какъ разгадать ее; —
И съ бытіемъ моимъ соединяла
Незримая природа бытіе!
Тогда со мной великое творилось:
Къ струнамъ души таинственно слеталъ
Небесный гость, Твой свѣтлый ликъ и, мнилось,
Изъ звуковъ ихъ эдемъ онъ создавалъ. —

Гляжу ль на сводъ пылающій звѣздами —
Его лучи сливаются въ Твой ликъ!
Смотрю ль на зыбь— Ты вьешься надъ зыбями
И къ дѣвственной груди Твоей приникъ
Младенецъ-Богъ! Въ дубраву ли вступаю —
Все дышетъ тамъ дыханіемъ Твоимъ!
Гудетъ ли гулъ, журчитъ ли зыбь—внимаю—
Тебя поетъ на арфѣ Серафимъ!
Но мигъ еще—и улетѣлъ воздушной—
За синевой далекой онъ изчезъ! . . .
Какъ прежде, все безжизненно, бездушно
И вкругъ меня и въ глубинѣ небесъ!
Такъ на лугахъ тѣнистыхъ Персистана,
Какъ океанъ, волнуемый эѳиръ
Изъ горъ, изъ пальмъ, изъ призраковъ тумана,
Изъ облаковъ творитъ волшебный міръ:
Сгущается, рѣдѣетъ онъ — и пишетъ
Лучами рай прекрасный, какъ звѣзда; —
Обманутъ взоръ! картина, мнится, дышетъ;—
Порхнулъ зефиръ—разсѣялась мечта!
Не смертному дышать за небесами!

Едва душой туда онъ возлетитъ,
Покинетъ прахъ, и звѣзды рубежами
Между собой и бреннымъ утвердитъ, —
Вдругъ, глыбою земли отягощенной,
Стремится онъ въ подземный, мрачный адъ;
Устрашена полетомъ вдохновенной,
Презрѣнная влечетъ ее назадъ.
Желѣзною рукою низвергаетъ
Она ее въ пучину мукъ и бѣдъ,
И на нее всѣ бури устремляетъ,
Чтобъ угасить неугасимый свѣтъ!

«Услышь меня, Владычица Святая,
Ты ангеловъ чистѣйшая звѣзда,
Къ Тебѣ летитъ мольба моя земная,
И съ сей мольбой душа моя слита.
Въ ней зажжено высокое желанье!
Мнѣ ль начертать небесный образъ Твой,
Какъ ясное мечты моей созданье,
Какъ идеалъ невинности святой? —
Зажги во мнѣ свѣтильникъ вдохновенья!

Одушеви безжизненный мой трудъ! —
И смертные съ слезой благоговѣнья
Предъ образомъ Мадонны упадутъ!..
Что слышу я? Какіе звуки льются,
Текутъ съ небесъ въ восторженную грудь!
Что вижу я? Безплотные несутся —
Но не свѣтлѣй моей стези ихъ путь!
Что я? Гдѣ я? На родинѣ ль прекрасной?
На лонѣ ли Творца душа моя?
Все вкругъ меня божественно и ясно!
Эѳирный звукъ преобразилъ меня!»
И Рафаэль простеръ на небо руки: —
Горѣлъ вѣнецъ безсмертія надъ нимъ,
И отъ небесъ къ нему летѣли звуки,
И каждый звукъ былъ свѣтлый Херувимъ! —
И каждый звукъ чудесныя видѣнья
Въ очищенной душѣ изображалъ,
И пламенемъ небеснымъ вдохновенья
Твореніе свое одушевлялъ.
Хоръ ангеловъ надъ праведнымъ носился,
Вился предъ нимъ въ единое сліянъ,

Вился предъ нимъ и въ грудь его тѣснился ,
Какъ пламенный , безбрежный океанъ.
Казалося , былъ думой очарованъ
Сей свѣтлый міръ ,—о тайномъ онъ мечталъ:
Далекъ земли , къ небесному прикованъ ,
Онъ тайнаго отъ неба ожидалъ.
Такъ и земля, въ часъ вечера священной ,
Спокойствіемъ нѣмымъ облечена ,
Не спитъ , не спитъ, но думой вдохновенной
Въ своемъ Творцѣ покоится она
И близкаго разсвѣта ожидаетъ ! —
Онъ плаваетъ въ востокѣ голубомъ : —
И твердь и зыбь и небо—все мечтаетъ
Въ торжественномъ безмолвіи о немъ !
Взойдетъ разсвѣтъ для жаждущаго міра !
Взойдетъ звѣзда для ангеловъ святыхъ !
Онъ лучь прольетъ сквозь темный паръ эѳира,
Прольетъ она блаженство въ думы ихъ !
Ликуй , земля ! ликуйте, духи рая !
Зажглась звѣзда на вашихъ небесахъ !
Грядетъ Она ! Грядетъ , грядетъ Святая

Съ божественнымъ Младенцомъ на рукахъ. —
О чемъ душа такъ пламенно тоскуетъ ?
Мнѣ ль выразить Ея Пречистый ликъ !
Одинъ хаосъ святаго нарисуетъ
Продерзостный ничтожнаго языкъ !
Прочь отъ меня безумное стремленье !
Въ вѣнцѣ небесъ Твоя блистаетъ цѣль ! . . .
Разсѣялось прекрасное видѣнье ,
Но зритъ еще Мадонну Рафаэль.
Его душа Святую отразила
Въ гармоніи своихъ высокихъ чувствъ ,
И ясною мечтой одушевила
Эдемъ земли , волшебный міръ искуствъ !
И движимый небеснымъ вдохновеньемъ ,
Воспрянулъ онъ — взялъ кисть — и начерталъ —
И цѣлый міръ, съ нѣмымъ благоговѣньемъ ,
Предъ образомъ Пречистой Дѣвы палъ !

К.

СОНЪ.

(Съ Италіянскаго).

Вдалекѣ заря алѣла,
Тихо вѣялъ вѣтерокъ;
Я, мнѣ снилось, прилетѣла
На счастливый островокъ,
И, казалось, обитаетъ
Тамъ богиня красоты,
Тамъ все чудно, все плѣняетъ,
Тѣни рощей и цвѣты.

И цвѣтами колесница
Изукрашена стоитъ,
Какъ румяная денница,
Яркимъ пурпуромъ горитъ.
Въ ней царица, предъ царицей

Шумный рой Забавъ живыхъ,
И Амуры вереницей,
И три Граціи младыхъ.

Вижу, цитра межь вѣтвями,
Миртъ обвилъ ее кругомъ,
Звукъ надъ рѣзвыми струнами
Не несется съ вѣтеркомъ.
Я взглянула—и робѣя
Ближе къ мирту подошла,
На нарѣчіи Аскрея
Я слова сіи прочла:

« Я играла сладкогласно
« Лишъ для Лезбіи младой;
« Но, пастушка, не напрасно
« Ты владѣть желала мной. »
Я простерла быстро руки,
Взять хотѣла даръ небесъ,
Я хотѣла въ цитрѣ звуки
Пробудить, — но сонъ изчезъ!

Степ—овъ.

БІОГРАФІЯ N....

Онъ Трансильванецъ по отчизнѣ,
Но порожденъ на свѣтъ Жидомъ;
Онъ кочевалъ во время жизни
И цѣлый свѣтъ прошелъ пѣшкомъ.
Сей Жидъ совсѣмъ не забіяка,
Но самый глупый человѣкъ,
Душа его чернѣе фрака,
Который носитъ цѣлый вѣкъ;
Который батюшка покойный
Ему изволилъ отказать,
И тотъ же фракъ сынокъ достойный
Въ потомство хочетъ передать.

Е. Ш–ій.

ВЕСНА.

(Изъ Салиса).

Зеленѣютъ долы снова ,
Оживился злакъ полей,
И тѣнистѣе дуброва ,
И пернатыхъ пѣснь звучнѣй !
Стоны горлицъ привлекаютъ
Въ чащу сумрачныхъ лѣсовъ ;
Вѣтры тихо навѣваютъ
Радость съ злачныхъ береговъ !

Тамъ , смотрите , распустился
Анемонъ — краса долинъ ;
Пылью сребряной покрылся
Благовонный розмаринъ !
Тамъ—сминъ красой блистаетъ
Надъ игривою рѣкой ;

И лилея выростаетъ
Въ даръ невинности святой.

Гіацинтъ на стебель нѣжный
Тихо голову склонилъ;
И повоэнь бѣлоснѣжный
Своды лиственные свилъ.
Тихій вѣтеръ навѣваетъ
Къ намъ дыханіе любви. . . . .
Въ сердцѣ радость оживаетъ,
Воскресаютъ счастья дни!

Ламберъ.

НАДПИСЬ

КЪ ИЗОБРАЖЕНІЮ ОСЛА.

Что̀ сей видъ изображаетъ,
Каждый тотчасъ дастъ отвѣтъ:
Всякій въ немъ осла узнаетъ,
А Глупоновъ свой портретъ.

Е. Ш–ій.

МЕЧТАТЕЛЬ.

(Повѣсть).

1.

Нѣтъ! я не зналъ любви взаимной,
Любилъ одинъ, страдалъ одинъ,
И гасну я, какъ пламень дымной,
Забытый средь пустыхъ долинъ.

А. Пушкинъ.

«Нѣтъ! мы всегда были такъ отдалены другъ отъ друга! всегда какая-то странная холодность предсказывала мнѣ разрывъ! такъ. . . все это мечта.» го-

ворилъ въ пол-голоса молодый человѣкъ, прогуливаясь въ Дворцовомъ саду и не замѣчая, что за нимъ слѣдовала толпа франтовъ и удивлялась странной его привычкѣ—говорить съ самимъ собою. Владиславъ не думалъ, чтобы кто-нибудь могъ заниматься имъ: рано, съ дѣтскихъ еще лѣтъ, привыкъ онъ равнодушно сносить людскую холодность; какъ сирота, воспитывался въ чужомъ семействѣ и никогда не слыхивалъ привѣта нѣжной матери.— Медленно дошелъ онъ до бесѣдки Петра Великаго; любопытная толпа разбрелась и онъ остался одинъ.— Вынимаетъ изъ кармана сочиненія Байрона; развертываетъ; ему прямо попадается эта строфа:

Fare thee well! and if for ever,
Still for ever, fare thee well!
Ev'n tho' unforgiving, never
'Gainst thee shall my heart rebel.

Онъ продолжаетъ далѣе: никогда бѣдственное положеніе Британскаго поэта не казалось ему столь горестнымъ; никогда онъ такъ живо не чувствовалъ силы стиховъ его, какъ теперь, ибо самъ также вѣроломно оставленъ; « Ахъ, Байронъ! говорилъ онъ, божественный Байронъ! ты объясняешь мнѣ мои же думы; ты рисуешь мое изображеніе! Такъ! отнынѣ презрѣніе къ людямъ будетъ главнымъ моимъ чувствомъ; я презрю даже.... Амалію. Она была прелестнымъ ангеломъ, когда мы были въ тво-

емъ отечествѣ, Байронъ! съ какимъ сокровищемъ тогда могла она сравниться? Какъ часто вмѣстѣ читали мы эту самую книжку, какъ часто, рука въ руку, бродили съ утра до вечера и не уставали! а теперь?...»

Съ сильнымъ движеніемъ всталъ онъ и пошелъ домой. Дорогой громко говорилъ о прежнихъ радостяхъ; твердилъ что-то объ Англіи, объ Италіи. На колокольнѣ Никиты мученика било полночь; онъ остановился: казалось, что онъ встревожился; и, страдальческій взоръ обративъ къ небу, произнесъ обычную молитву: «Пусть мнѣ чаша горестей, а всѣ радости любезной сердцу! ей мое спокойствіе, мнѣ ея страданія!»

2.

Who that feels what love is here,
All its falsehood — all its pain —
Would, for ev'n Elysium's sphere,
Risk the fatal dream again?

Moore.

«Линской, поѣдемъ на Прѣсню: нынче тамъ гулянье, вѣрно много будетъ.»— Ты пространный человѣкъ, Славской; тебѣ бы все гулять, да разгуливать; мнѣ ужъ это надоѣло.— «За чѣмъ же мы приѣхали въ Москву? За чѣмъ я скакалъ тысячу верстъ и шилъ себѣ новый мундиръ? Не думаешь ли ты, что я рѣшился сидѣть съ тобою, читать Элоизу, плакать надъ нею, да любоваться природою? Нѣтъ, братъ, покорный слуга.

Довольно и того, что я три года сидѣлъ въ избахъ и ничего не видалъ., кромѣ запачканныхъ Малороссійскихъ крестьянокъ, да изорванныхъ твоихъ романовъ. Теперь на моей улицѣ праздникъ: я вскружилъ головы всѣхъ Московскихъ кокетокъ; даже Амалія, твоя интересная Амалія посматриваетъ на меня не совсѣмъ равнодушно.» — Оставь въ покоѣ Амалію: она сотворена не для такихъ душъ, какова твоя.— «Очень вѣрю, что она для тебя сотворена: у васъ какія-то сношенія, переписки, тайны, да и чортъ знаетъ что̀.—» Пожалуйста перестань, Славской; за чѣмъ говорить о томъ, чего намъ знать не должно. Ступай лучше на Прѣсню, я буду туда черезъ часъ.

Славской уже въ толпѣ гуляющихъ утаптываетъ песчаные берега Прѣсненскихъ прудовъ. Смиренному постояльцу скучныхъ деревень все ново въ Столицѣ, все его занимаетъ; онъ присоединяется къ толпѣ молодцовъ, которая слѣдовала за старою, нарумяненною кокеткою. Посреди веселаго и шумнаго роя весельчаковъ замѣчаетъ онъ одного задумчиваго, печальнаго молодаго человѣка, не принимавшаго никакого участія въ общемъ смѣхѣ. Кто этотъ бѣлокурый? спрашиваетъ Славской у своего сосѣда, указывая на Владислава, который не обращалъ на него вниманія.—» Не знаю кто; а я слышалъ, что онъ недавно возвратился въ Россію; жилъ долго въ Англіи, въ Италіи; былъ во Франціи и, говорятъ,

пишетъ стихи. » — Стихи? онъ долженъ быть славный человѣкъ! отъ чего же онъ такъ печаленъ?— « Думаютъ, что по приѣздѣ своемъ изъ чужихъ краевъ онъ лишился друга, который долженъ скрываться. »—По чему же? — « Да онъ убилъ своего товарища, молодаго Офицера, и сверхъ того еще. . . . » Тутъ толпа оттерла болтуна отъ Славскаго и онъ не могъ удовлетворить своему любопытству. Съ большимъ вниманіемъ осматривалъ онъ Владислава съ ногъ до головы. Ему нравились благородный его видъ, его величественная осанка, его глаза черные и пламенные, даже его мѣрная, тихая походка; длинные, бѣлокурые волосы, какъ у Англичанъ, сыпались съ круглой головы и разсыпались почти

по плечамъ; крестообразно на груди сложенныя руки показывали его терпѣніе и какую-то рѣшимость. Владиславъ слѣдовалъ за молодою женщиною; Славской узналъ въ ней Амалію, которая показалась ему въ тысячу разъ прелестнѣе обыкновеннаго. Взоръ Владислава выказывалъ внутреннее страданіе; въ немъ была видна душевная буря. Тщетно старался онъ сокрыть внутреннее волненіе подъ притворнымъ видомъ спокойствія: тайная грусть проглядывала изъ-подъ вынужденнаго равнодушія. Когда Амалія, дошедши до моста, оборотилась назадъ и поравнялась съ нимъ, громко сказалъ онъ стихи Байрона:

Yet, oh, yet! thyself deceive not:
Love may sink by slow decay;

But by sudden wrench believe not
Hearts can thus be torn away.

Амалія обратила къ нему жалобный взоръ и какъ бы хотѣла сказать: ты ошибаешся; но присутствіе родителя, строгаго и непреклоннаго, удержало ее. Какъ невинная жертва, она потупила взоры въ землю и безмолвно шла за отцемъ. Блѣдный, какъ въ послѣдній часъ смерти, Владиславъ смотрѣлъ на колеблющуюся поверхность пруда и какъ бы желалъ найти въ немъ приютъ. Жалобный взоръ Амаліи укорялъ его въ невѣрности и вѣроломной измѣнѣ. » Амалія! сказалъ онъ тихо, неужели ты такъ притворна? Ужели адъ въ твоемъ сердцѣ? Зачѣмъ, отказавши мнѣ въ любви, мучишь меня вспоминаніями и взорами, которые на-

поминаютъ о прежней взаимности? зачѣмъ напоминать о ней, когда всѣ узы разторгнуты, когда невѣрность твоя мнѣ извѣстна? Зачѣмъ преслѣдовать меня, ангелъ злобы?...«—Молчаніе.—» Но можетъ быть она невинна! можетъ быть я обманутъ; можетъ быть призракъ въ ночномъ туманѣ обманулъ мое зрѣніе! нѣтъ! Амалія добродѣтельна, она непорочна! Ея небесные глаза такъ чисты; съ какимъ презрѣніемъ смотритъ она на всё земное; зачѣмъ отвѣргаешь ты меня, небесный ангелъ?...» — Снова долгое молчаніе. — «Я глупый, безразсудный мечтатель! какъ оправдывать ее, когда я самъ видѣлъ лѣстницу подъ ея окномъ; когда самъ видѣлъ, какъ Амалія цѣловала его....»— Тутъ закрылъ онъ лице

руками; отчаянный искалъ смерти, конца всѣхъ бѣдствій. О! если бы ты умеръ, Владиславъ, какъ былъ-бы ты счастливъ; если бы не возвратили тебя къ жизни, какъ бы незначительно еще было твое преступленіе!

3.

Doch alles noch stumm bleibt wie zuvor,
Und ein Edelknecht, sanft und keck,
Tritt aus der Knappen zagendem Chor,
Und der Gürtel wirft er, den Mantel weg,
Und alle die Männer umher und die Frauen
Auf den herrlichen Jüngling verwundert schauen.

Schiller.

Что̀, Антонъ Ивановичь, легче ли барышнѣ? — « Немножко полегче, Докторъ

успѣлъ помочь; говорятъ, что это только обморокъ отъ внезапнаго испуга. Бѣдняшка совсѣмъ почти оправилась, но какъ узнала, что старый баринъ на нее сердитъ, то опять ей сдѣлалось нехорошо.» — Да за что же баринъ на нее сердится? — «Вотъ видишь, Марфа: по нашему ничего, что барышня любитъ бывшаго нашего жильца Владислава Михайловича, а старикъ сердится и бранится. Давича онъ говорилъ барышнѣ: не стыдно ли тебѣ любить такого обманщика; онъ тебя обманулъ, обезчестилъ нашу фамилію, пять лѣтъ прикидывался влюбленнымъ, вздыхалъ и терзался, а теперь надъ тобою же смѣется и подшучиваетъ. А бѣдная барышня не вѣритъ, чтобы Владиславъ разлюбилъ её; можетъ

ли это быть, говоритъ она, когда въ Англіи онъ за меня жертвовалъ жизнію, когда во Франціи спасъ меня отъ явной смерти съ опасностію своей жизни; его любви я обязана два раза спасеніемъ. Мнѣ и самому какъ-то невѣрится, чтобы Владиславъ Михайловичь могъ разлюбить барышню: перемѣнчивы мущины въ любовныхъ дѣлахъ, когда любятъ или изъ денегъ или изъ знатности; а Владиславъ Михайловичь любилъ барышню не изъ денегъ; въ то время она не была такъ богата, у ней былъ еще братецъ; добрый Адольфъ, прибавилъ онъ, вздохнувши, я ходилъ за тобою, я тебя взлелѣялъ, но ты плохо наградилъ мои старанія.»

Крупная слеза выкатилась на красный жилетъ добраго Антона при воспомина-

ніи о нещастномъ его баринѣ. «Какъ ты счастлива, Марѳа, что не прежде поступила въ нашъ домъ и что не видала всѣхъ нашихъ печалей. И въ эти три года ты многаго насмотрѣлась....»— Я всякій день благодарю Бога за то, что барышня уволила меня отъ своего служенія съ тѣхъ поръ, какъ у насъ родился Ванюша. Бывало бѣдная сидитъ да плачетъ, или на колѣнахъ молится Богу, а у меня такъ сердце и раздирается, насилу слезы удержать могу. Какъ бы кажется не быть барышнѣ счастливой? покойна, денегъ много, баринъ дѣлаетъ всё, что ей угодно. . . . —

«Эхъ, Марѳа, будто въ деньгахъ счастіе; деньги вещь бездушная, въ нихъ барышнѣ и нужды нѣтъ, лежатъ въ шка-

тулкѣ, да и только. Одинъ братъ ей чего стóитъ; выгналъ насъ изъ Россіи; потомъ, только что пообжились и попривыкли въ Италіи, и оттуда выгналъ; да и самъ скитается безъ приюта, не знаетъ куда приклонить головушку; вѣдь это одно убиваетъ добрую барышню; а тутъ еще и Владиславъ Михайловичь вдругъ за что-то разсердился, и насъ оставилъ. Такому горькому житью и деньги не помогутъ.» — Да вѣдь Владиславъ Михайловичь недавно отсталъ; я помню, что во время дороги онъ всегда бывалъ съ нами, и барышня тогда была хороша и весела, какъ ясное солнышко. Поговаривали, что онъ женится на нашей барышнѣ, а этаго и не случилось. Какъ теперь помню, что одинъ разъ въ

Варшавѣ какой-то баринъ спрашивалъ у меня, правда ли это? я отвѣчала, что навѣрно не знаю, сбудется ли эта свадьба, а что есть надежда... — «Да какъ же ты такъ отвѣчала? вѣдь объ этомъ тогда еще ничего не объявляли.» — Я тогда ходила за барышнею, и знала всѣ ея обстоятельства. — «Что же тебѣ сказалъ Польскій баринъ?» — Онъ сказалъ мнѣ: вотъ какъ Богъ награждаетъ добрыхъ; такая красавица, съ такимъ богатствомъ, достается бѣдному и безчиновному сиротинкѣ. Я радуюсь за Владислава, прибавилъ онъ, и за твою барышню, оба счастливы: онъ добръ и ученъ; она чувствительна и умна; ей, ей, славная пара! я тутъ и начала хвалить барышню; это ему понравилось и

онъ мнѣ далъ червонецъ и поблагодарилъ меня за мою преданность къ господамъ. Потомъ спросилъ, знаю ли я Адольфа, брата барышни? Я опять отвѣчала, что сама никогда его не видывала, а много слыхала о немъ отъ моего мужа, который за нимъ ходилъ. Тутъ онъ весьма обрадовался, разспрашивалъ о тебѣ, желалъ знать давно ли ты женился, есть ли у тебя дѣти, далъ мнѣ еще червонецъ и поцѣловалъ меня. . . . — « Добрый Адольфъ! какъ не узнать тебя по этому благородному поступку! ты не забылъ вѣрнаго слуги и не презрѣлъ его жены, сказалъ старый Антонъ, отворотившись и отирая слезы. Тутъ онъ ушелъ отъ тебя, Марѳа? » — Нѣтъ, мы еще долго говорили; я разсказывала ему,

что молодый баринъ умеръ въ Англіи и что по этому случаю все семейство переѣхало жить въ Москву; что барышня часто молится о братѣ, что мы часто о немъ разговариваемъ. Польскій баринъ слушалъ меня со вниманіемъ, вынулъ книжку изъ кармана и писалъ въ ней. Тутъ попросилъ, чтобы я не сказывала никому о встрѣчѣ нашей и ушелъ.—«Какъ же ты до сихъ поръ объ этомъ мнѣ ничего не говорила?» — Часто я хотѣла тебѣ все высказать, да мнѣ всегда приходило на память, какъ онъ меня просилъ, чтобы я молчала. Ты можешь всё разсказать, если захочешь, молвилъ онъ, да лучше помолчи, не огорчай снова господъ своихъ: имъ и безъ того ужь много горя. — «Ахъ! добрый Адольфъ!

ты стоилъ лучшей судьбы за твое доброе сердце! ты не хотѣлъ огорчить своимъ присутствіемъ любимаго семейства и запрещалъ сказывать, что ты близь насъ....» — Какъ? это былъ самъ Адолфъ? ты сказалъ мнѣ, что онъ умеръ еще въ Англіи? — «Тише, жена, я все разскажу тебѣ; погоди....» Тутъ онъ недовѣрчиво посмотрѣлъ во всѣ стороны, заперъ дверь задвижкою и сѣлъ опять къ столу. Бѣдный старикъ едва могъ говорить, не зналъ съ чего начать, какъ открыть истину обманутой женѣ; тысячи воспоминаній горестныхъ и даже страшныхъ тѣснились въ головѣ его и быстро смѣнялись одно другимъ. «Ахъ! сказалъ онъ, старанія мои не пошли въ прокъ и труды сгибли по пустому. Ког-

да Адольфъ былъ еще дитятею, я уже старался исправлять пылкій его характеръ и запальчивость; потомъ наняли для него гувернера, да и тотъ ничего не помогъ: Адольфъ по прежнему былъ вспыльчивъ. Вотъ видишь, Марѳа, какъ молодый баринъ вступилъ въ полкъ, то старикъ нашъ наказывалъ ему строго удерживать себя и быть осторожнымъ, вѣдь въ гусарахъ всегда изъ пустяковъ важныя дѣла выходятъ; одинъ другому не понравится, такъ и давай драться, да душить другъ друга. Адольфъ, по молодости, не послушался стариковскаго совѣта и не остерегся, запутался въ исторію, поссорился съ Полковникомъ, да и за пистолеты. Мы здѣсь ничего не знали; вдругъ приходитъ извѣстіе, что

молодый нашъ баринъ убилъ своего командира и скрылся, что его вездѣ исчутъ и что онъ достоинъ строгаго и примѣрнаго наказанія. Сердце замираетъ, Марѳа, какъ вздумаешь, какая у насъ была тревога: старый баринъ отъ отчаянія слегъ въ постель; барышня нѣсколько дней лежала безъ чувствъ и рѣдко приходила въ себя: одинъ Владиславъ Михайловичь хлопоталъ за всѣхъ. И вдругъ наѣхала полиція, и стала разыскивать да разспрашивать, и всё къ Владиславу Михайловичу, не спрятанъ ли гдѣ бѣглецъ? Волосъ становился дыбомъ и всѣ суставы дрожали, когда меня позвали къ допросу. Ахъ, Марѳа, тяжело намъ тогда было...» Тутъ старикъ остановился; полнота чувствъ не дозволяла

ему говорить; отдохнувъ, онъ продолжалъ: «И всѣ знакомые насъ оставили, и всѣ друзья раздружились, когда перестали ихъ кормить обѣдами и тѣшить пирушками; да и мы какъ-то ото всѣхъ отстали, никуда не ѣздили, на умъ не шло веселіе. Баринъ былъ всегда скученъ, сталъ задумываться и жаловаться на здоровье. Доктора̀ лечили, лечили, а барину лучше не было; наконецъ они присовѣтывали ѣхать въ чужія земли для излеченія и мы отправились въ Италію. Черезъ газеты молодый баринъ узналъ, что мы выѣхали за границу и тамъ догналъ насъ. Тутъ-то бы нарыдалась ты до сыта, Марѳа! Дряхлый баринъ увидѣлъ бѣднаго сына; они обнялись, и мы уже думали, что старикъ

нашъ болѣе не встанетъ; а бѣдная барышня.... но, слава Богу, все миновалось; старый баринъ утѣшился, молодый получилъ прощеніе. Два года скитались мы по Италіи, изъ государства въ государство, изъ города въ городъ, хотѣли остановиться на возвратномъ пути въ Миланѣ; наняли домъ. И тутъ Адольфъ все разстроилъ; онъ соблазнилъ молодую богатую Италіянку, а у Италіянцовъ расправа коротка: кинжалъ въ бокъ, да и поминай какъ звали. И отсюда ночью тихонько бѣжали мы, и черезъ Францію пріѣхали въ Англію; и тутъ долго скитались изъ города въ городъ, проѣхали въ Шотландію и хотѣли остановиться. Нѣтъ, и здѣсь Адольфъ помѣшалъ намъ; какъ-то его открыли, хо-

шѣли задержать и потомъ переслать въ Россію. Страшно и вспомнить то время: насилу скрыли Адольфа и распустили слухъ, что онъ утонулъ въ Твидѣ, когда хотѣлъ скрыться изъ Бервика, гдѣ мы тогда жили. Такъ и тебѣ я разсказывалъ, Марѳа, опасаясь, чтобы ты не разболтала нашей тайны. Когда же и въ Бервикѣ стали разноситься слухи, будто бы Адольфъ не утонулъ, а скрылся, то баринъ разсудилъ выѣхать изъ Англіи. Тутъ пять лѣтъ скитались мы и по морю и по Нѣмецкимъ государствамъ; чего не видали, гдѣ не бывали! какъ подумаешь что видѣлъ, такъ голова кругомъ пойдетъ.»—А женщины тамъ хороши? спросила съ любопытствомъ Марѳа; лучше нашихъ? — «И

сравненія нѣтъ! что за красивая одежда, что за румяныя лица: кровь съ молокомъ!» — Что же ты тамъ не женился? прервала не много обиженная Марѳа. — «Да хотѣлось Руской жены; вѣдь съ Нѣмкой и дѣти были бы Нѣмцы; да я же и говорить съ ними не учился и не умѣлъ. Какъ вспомнишь то время, такъ и не знаешь, что̀ думать: худо или хорошо тамъ было; сколько тамъ съ нами было нещастій, но за то сколько разъ радости и веселія прогоняли скуку. Видишь ли эту картину на стѣнѣ? Я снесъ ее сюда, когда Владиславъ съ нами разсо̀рился; на ней написано произшествіе, которое съ нами случилось, не вѣришь»— Что ты, помилуй, тамъ какой-то господинъ утопливаетъ барыню. — «Нѣтъ,

Марѳа, не то: тебѣ въ вѣкъ подобнаго случая не видать; во всей провинціи о немъ толковали и въ журналахъ его описывали. Были мы въ Монбеліардѣ, во Франціи, проѣздомъ; всѣ пошли смотрѣть старинный дворецъ предковъ доброй матушки нашей Императрицы Марьи Федоровны. Тутъ близко рѣчька Ду; она не широка, но глубока и очень быстра: малъ да удалъ, говоритъ пословица. И барышня шла по берегу, увидѣла чистенькую раковинку, хотѣла поднять и опустилась къ землѣ. Вдругъ нога ея поскользнулась и, бухъ! она въ водѣ! Изъ насъ никто не умѣлъ плавать, а изъ собравшихся мужиковъ никто не рѣшался на явную смерть: тогда только что началась весна, все таяло и рѣчька была

ужасно глубока и неслась съ необыкновенною быстротою. Баринъ зоветъ на помощь, обѣщаетъ богатую награду, но всѣ печально стоятъ кругомъ и никто не рѣшается. Владиславъ Михайловичъ сбрасываетъ сертукъ, кидается въ воду, забываетъ о собственной опасности и съ возлюбленною ношею выплываетъ на берегъ. Ты плачешь, жена? Да, вотъ что написано на картинѣ; она прежде висѣла въ мраморной залѣ, а теперь баринъ хочетъ забыть Владислава Михайловича и его великодушіе, и приказалъ вынести картину подалѣе; я ее снесъ къ намъ и часто на нее посматриваю. Вотъ отъ чего барышня такъ часто навѣщаетъ тебя, Марѳа; ей хочется посмотрѣть на картину и вспомнить Вла-

диславову услугу и потому она всегда выходитъ отсюда въ безпокойствѣ и замѣшательствѣ. Бѣдная барышня! какъ не любитъ своего спасителя? Еще разъ въ Англіи спасъ онъ ей жизнь также своею отважностію. Мы поѣхали травить большаго кабана и барышня съ нами; вотъ только что . . . .»—Антонъ! Антонъ! раздалось изъ ближней комнаты и Антонъ бѣгомъ отправился на крикъ.

4.

Perchè soffri, Amor, che tanta fede
Resti senza mercede?
Stampa.

Кто тайно, въ уединенной комнатѣ, на колѣнахъ передъ Распятіемъ, возсы-

лаетъ теплыя моленія къ Небу? Кто утопаетъ въ слезахъ, когда все земное покоится? Чего проситъ сія несчастная?

Злой рокъ сгубилъ тебя, Амалія, и никто не въ силахъ помочь тебѣ: кто утишаетъ душевныя бури? Чего желаешь ты? просишь ли успокоенія престарѣлому родителю, или собственное сердце хочешь облегчить молитвою? или просишь прежняго счастія.

Нѣтъ, оно исчезло — и не возвратимо! за чѣмъ оставляла ты веселыя поля радостной Авзоніи? за чѣмъ покинула вѣчно-ясное небо, подъ которымъ ты жила въ душѣ твоего Владислава? Тамъ жила для тебя радость; часто вмѣстѣ съ возлюбленнымъ обходила ты зна-

менитыя горы Рима и часы летѣли. Но страшная тайна выгнала тебя изъ тихаго приюта благословенной страны, которой небо всегда чисто, но люди, подъ нимъ живущіе, всегда мрачны и пасмурны, какъ черныя тучи. За чѣмъ же ты оставила тѣ прелестныя долины, гдѣ прежде раздавались пѣсни Шотландскихъ Бардовъ? Тамъ, вмѣстѣ съ возлюбленнымъ своимъ, часто выѣзжала ты на охоту; тамъ прогулки казались тебѣ слишкомъ короткими; цѣлые дни — часами; какъ ты рѣшилась оставить тѣ счастливыя долины? Ахъ! еще горестнѣйшая тайна отравила наслажденія твои въ отечествѣ любимаго твоего поэта, поэта безсмертнаго, котораго ты обожала, потому что чувствованія ваши

сроднились; ему, какъ и тебѣ, жизнь измѣнила: лукавая представилась вамъ не юною, радостною дѣвою, но черною, ядовитою змѣею.

Но чего же ты просишь, Амалія? не молишся ли о вѣроломномъ своемъ другѣ, разлученномъ съ тобою по причинѣ, тебѣ самой неизвѣстной? не онъ ли занимаетъ всѣ твои помышленія? не онъ ли въ твоихъ моленіяхъ? Не молись о немъ, Амалія: ты никогда не вороти его! Гордая его душа обольщена мечтами, онъ воображаетъ тебя невѣрною, преступною — и никогда не рѣшится подать руку примиренія. Разочаруй его, покажи ему его заблужденія и тогда только страданія обоихъ прекратятся! Но твой непреклонный родитель препят-

ствуетъ . . . . оскорбленный старецъ не хочетъ извиненій; онъ жаждетъ мести; напрасно: мщеніе не прилично душѣ благородной.

Не молишь ли за бѣднаго брата? не просишь ли его возвращенія въ отчизну? Нѣтъ, Амалія, братъ твой погибъ для тебя, и погибъ невозвратно; жалкій преступникъ, онъ скитается одинокій и нѣтъ приюта преступному. За чѣмъ тебѣ его прощеніе? будешь ли отъ того спокойнѣе? можно ли тебѣ будетъ забыть, что онъ убійца, что онъ обольститель? Чего же исчутъ твои слезы? или предметъ еще горчайшій мертвитъ юную твою грудь?

5.

Tho' my many faults defaced me,
Could no other arm be found
Than the one which once embraced me,
To inflict a cureless wound?

Byron.

Владиславъ скорыми шагами ходитъ по своей комнатѣ; давно позванный слуга безмолвно стоитъ у дверей. «Николай! приготовь мнѣ пистолеты; не тѣ, съ которыми я обыкновенно ходилъ въ Италіи; а тѣ, съ которыми ѣздилъ на охоту въ Англіи; заряди ихъ, порохъ лежитъ въ зеленомъ ящикѣ, подъ письмами.»

Тутъ внезапно сверкнули въ памяти его воспоминанія объ этихъ приятныхъ, незабвенныхъ увеселеніяхъ въ Англіи. —

«Такъ! было то счастливое время, говорилъ онъ, когда одинъ съ Амаліею скакалъ я по тѣмъ самымъ горамъ, гдѣ прежде пѣли Шотландскіе Барды! Тогда думалъ ли я, что буду такъ вѣроломно оставленъ, совершенно забытъ, что буду такъ презрѣнъ? Воображеніе рисовало радостную будущность; я не могъ себѣ представить, чтобы меня забыли, оставили. . . Но оставленъ ли я? Ужь не обманъ ли это моего воображенія? нѣтъ никакихъ доказательствъ Амаліиной измѣны: мнѣ только показалось, что она ко мнѣ равнодушна; можетъ быть въ самомъ дѣлѣ она по прежнему меня любитъ, по прежнему. . . Нѣтъ, прочь безразсудная мысль! Я не хочу обольщать себя: я оставленъ, забытъ, я покинутъ,

я презрѣнъ, и презрѣнъ совершенно, явно! Гдѣ прежняя нѣжность и клятвы? клятвы твои изчезли вмѣстѣ съ грохотомъ волнъ, ихъ слышавшихъ! Если бы здѣсь былъ Адольфъ, онъ не отказалъ бы своему спасителю; я бы все узналъ, все бы обнаружилось; можетъ быть открылась бы невинность Амаліи, можетъ быть я бы узналъ, кто отнялъ у меня ея сердце, кто ее обольстилъ.... она моя, я спасалъ ее два раза, дарилъ ее жизнію, любовь сдѣлала ее моею. Нѣтъ, Амалія, ты не найдешь счастія съ другимъ въ золотыхъ чертогахъ; я бѣденъ, я бы не доставилъ тебѣ безполезной толпы служителей, я бы не окружилъ тебя пышностію: но мое сердце, моя любовь . . . онѣ твои; гдѣ найдешь подобныхъ? Я не

знатенъ, родъ мой безвѣстенъ, я одинъ, одинъ во вселенной; ты не хотѣла сдѣлаться моею подругою, раздѣлить мое одиночество, усладить мою жизнь; ты бы могла, но ты не хотѣла. . . . Ужели думаешь, что знатные только одарены душами чувствительными? не думаешь ли, что извѣстность дѣлаетъ счастливыми; не думаешь ли, что слава замѣняетъ все, и любовь, и согласіе, и взаимность? Нѣтъ, Амалія, сердце взлелѣянное въ нѣгѣ, безчувственно, какъ мраморъ, какъ металлъ; оно недоступно любви чистой и пламенной, любви безкорыстной. И въ немъ ты хочешь искать чувствованій, въ немъ думаешь найти счастіе: ошибешся, Амалія, ошибешся. На что̀ тебѣ знатность, на что̀ тебѣ

злато? ты все имѣешь; ты бы могла осчастливить сироту, раздѣлить съ нимъ бремя жизни, облегчить участь несчастнаго... За чѣмъ говорила ты, что любишь меня? за чѣмъ обольщала? за чѣмъ дѣлила мои тайныя наслажденія, мои мечты — одно мое богатство, все то, чѣмъ я счастливъ, чѣмъ живу? за чѣмъ обѣщала руку, которая привыкла только повелѣвать? Когда я наслаждался одинъ, мечты мои были тихи, спокойны, сладостны; съ тобою я привыкъ къ наслажденіямъ шумнымъ, безпокойнымъ... онѣ скоро увяли, какъ садовый цвѣтъ; сокрылись невозвратно, какъ ночный призракъ; и можетъ быть теперь въ объятіяхъ Амаліи другій.... Николай! гдѣ мои пистолеты? пистолеты мнѣ скорѣе!»

6.

Wie lange willst du säumen?

Bürger.

Надъ чѣмъ плачетъ Амалія? что въ рукахъ ея? А! это давно запверженное письмо Владислава:

«Вы свободны. Всѣ узы между нами разторгнуты. Я долженъ забыть Васъ, ибо и Вы меня забываете. Никогда болѣе взоръ Вашъ не встрѣтитъ моего, и я избавлю Васъ отъ ненавистнаго лица. Будьте счастливы, если только можете забыть прежнее.» Внизу были подписаны стихи Байрона:

Fare thee well! Thus disunited,
Torn from ev'ry nearer tie,
Seared in heart, and lone, and blighted,
More than this, J scarce can die.

Когда вдругъ, по неизвѣстной причинѣ, Владиславъ охладѣлъ къ ней, то письмо и стихи сіи получены были вмѣстѣ съ обручальнымъ кольцомъ отъ отчаяннаго жениха. Долго думала она о томъ, что могло разлучить ихъ? и не могла придумать никакой причины. Только по стихамъ могла она догадаться, что ее почитаютъ измѣнницею. Когда одинъ разъ на берегахъ Твида, Амалія съ Владиславомъ читали Байрона и дошли до этой строфы, то Владиславъ сказалъ, какъ бы пророчественно: Не дай Богъ, чтобы когда-либо я принужденъ былъ тоже сказать тебѣ, Амалія, если ты оставишь и забудешь меня. Бѣдная Амалія хотѣла вывести Владислава изъ заблужденія, но гордый ея родитель, раз-

драженный внезапною перемѣною жениха, запретилъ ей всякое съ нимъ сношеніе, и послушная дочь рѣшилась страдать, не желая преступить повелѣніе своего отца. Съ той минуты разрыва грусть не покидаетъ ее; съ нею встаетъ она, съ нею и ложится и ни въ чемъ не находитъ себѣ утѣшенія. Только изрѣдка сонъ приноситъ ей нужное спокойствіе и отраду. Иногда въ теплой молитвѣ забываетъ она свои страданія; только тогда забываетъ она свои горести, когда молится или о вѣроломномъ другѣ или о злополучномъ братѣ. Даже престарѣлый родитель не находитъ въ ней прежней Амаліи, рѣзвой и живой; веселость ея превратилась въ мрачную скуку, живость — въ тяжелое оцѣпенѣніе. Невольно, прочитывая снова

стихи, Владиславомъ присланные, повторяетъ она въ умѣ всѣ свои поступки, хочетъ обвинить себя, ищетъ вины, но не находитъ. Тутъ воображая себя вмѣстѣ съ Владиславомъ, громко начинаетъ она оправдываться; напоминаетъ ему о прежней любви и вѣрности; напоминаетъ о томъ, какъ отказала всѣмъ его соперникамъ, какъ предпочла его толпѣ богачей и вельможъ. Тутъ не много она успокоивалась, думая, что Владиславъ внимаетъ ея оправданіямъ, что онъ убѣждается въ своей ошибкѣ, что онъ раскаявается и проситъ прощенія, обѣщая возвратиться къ прежней вѣрности. Въ эти счастливыя мгновенія мечтала она о прежнемъ счастіи, мысленно переносилась на луга Италіи вмѣстѣ съ своимъ Влади-

славомъ и опять была счастлива. Опять, казалось ей, проѣзжаетъ она Германію, въ одной каретѣ съ Владиславомъ; опять онъ также милъ и любезенъ, также привязанъ и вѣренъ. Но какъ кратки были сіи божественныя минуты, въ которыя чистая ея душа освобождалась отъ земныхъ горестей! какъ не продолжительны были ея мечтанія! Тотчасъ суровая дѣйствительность смѣняла творенія пламеннаго воображенія: образъ любимаго брата скрывался, за нимъ улеталъ и образъ нѣжнаго любовника... Ахъ! какъ горестны, какъ плачевны были твои пробужденія, Амалія! какъ бы ты рада была умереть посреди призраковъ, созданныхъ твоимъ воображеніемъ. Какъ перенести презрѣніе Владислава? какъ рѣ-

шиться забыть объ изгнанномъ братѣ? При сихъ горестныхъ воспоминаніяхъ она падала на колѣна предъ Распятіемъ и молилась....

7.

Si j'admire ces feux épars
Qui des nuits parsèment le voile,
Je crois te voir dans chaque étoile
Qui plait le plus à mes regards.

Lamartine.

«Помилуйте, милостивый государь; какъ? вы .... я васъ не ожидала.... меня не предувѣдомили... я никакъ не думала, что вы, въ это время .... Ахъ, милостивый государь, какъ вы меня испугали....» — «Не безпокойтесь, сударыня, я не пришелъ пугать васъ. Нѣтъ,

Амалія, совершенно другая причина привела меня сюда. Я васъ видѣлъ — и этаго довольно; ваши небесные глаза, ваши очаровательныя прелести сдѣлали меня страстнымъ любовникомъ .... Вы удивляетесь, Амалія? не ужели для васъ это чудо? не ужели я первый побѣжденъ и очарованъ вашею красотою? не ужели никогда не знали вы силы вашихъ глазъ? Но мнѣ, мнѣ она слишкомъ извѣстна. Амалія! я у ногъ вашихъ, не дайте умереть несчастному ...» — Дерзость ваша, Гнъ Славской, удивляешъ меня; зачѣмъ вы пришли? что вамъ надобно? —

«Ничего, кромѣ взаимности. Любовь ваша ... Ахъ! она то блаженство, котораго исчетъ душа моя; она только нужна мнѣ. Многихъ красавицъ видалъ я,

многія мнѣ нравились, но ни одна не плѣняла меня такъ, какъ вы. Я забываю себя, помню только прелестный образъ вашъ, ваши плѣнительныя очи, вашъ прелестный станъ. Амалія! не ужели вы хотите моей смерти? она очень легка; стóитъ только отказать и завтра же кинутъ меня на пищу коршунамъ — я ко всему привыкъ, Амалія, я все переносилъ: но не въ силахъ перенести вашего отказа; я рѣшился: или смерть, или Амалія....»

— Боже мой! ужели еще новое испытаніе? я должна, я обязана просить васъ.... Забудьте, забудьте меня.... Вы найдете другую, и въ ея объятіяхъ меня забудете. Никогда не преступлю моихъ обѣтовъ: сердце мое отдано дру-

гому, оно не въ моей власти, оно принадлежитъ не мнѣ, я не могу располагать имъ, и никому не пожертвую честію для всѣхъ сокровищъ міра....

— «Но вы забыли, Амалія, что Владиславъ вамъ невѣренъ....»

— Владиславъ? вы почему его знаете? —«Онъ занималъ васъ, и этаго для меня довольно: я все узналъ; я узналъ, что онъ преступилъ свои клятвы, забылъ свои обѣщанія и упрекаетъ васъ въ невѣрности. Вы блѣднѣете, Амалія? этотъ Владиславъ мнѣ слишкомъ извѣстенъ, я знаю эту низкую душу, ея порочныя страсти....»—О, Господинъ Славской, избавьте меня отъ этихъ неприятныхъ словъ; оставьте меня; никто не знаетъ о вашемъ посѣщеніи, я обѣщаюсь вамъ хра-

нить его въ тайнѣ, если только вы сію же минуту оставите мою комнату. —

«И такъ вы хотите моей смерти? вы хотите сдѣлать меня навсегда несчастнымъ, погубить . . . . и для кого? Ему ли ваши прелести? этому ли необразованному человѣку быть вашимъ другомъ? Нѣтъ, Амалія, позвольте мнѣ думать, что я буду счастливъ, что и въ этомъ случаѣ обыкновенная доброта ваша возметъ верхъ надъ пустою, мнимою вѣрностію, что рука ваша. . . . » — Никогда, милостивый государь, никогда она не будетъ вашею; всѣ старанія напрасны: рука моя уже отдана; она, можетъ быть, отвергнута, но въ такомъ случаѣ она навсегда остается ни чьею. . . . Чу! кто-то идетъ. . . . если вамъ не угодно сдѣ-

лать мнѣ новое неудовольствіе, то оставше меня. Помните, что я не могу быть вашею; рука моя отдана другому.—

Шаги становились слышнѣе. Славской, блѣдный и пристыженный, вышелъ изъ комнаты въ замѣшательствѣ.

8.

И я спокоенъ, какъ грозою
Опустошенная страна.

К.

Ну! Линской, опять запечалился! что съ тобою дѣлается? я нарочно ѣздилъ къ твоей Амаліи, доказать тебѣ, что она вѣрна, а ты и слушать не хочешь; да что съ тобою? — « Оставь меня въ покоѣ; мало того что ты мучишь меня,

ты уже принялся и за Амалію! это ли дружба? ты не думаешь, чѣмъ все это можетъ кончиться.» — Помилуй, Линской, что̀ тутъ дурнаго, Амаліи же больше чести: кто ни увидитъ её, всякій влюбляется; вѣдь это не послѣднее счастіе для дѣвушки. Амалія хоть и показывала, что ей неприятенъ мой визитъ, однакожъ въ душѣ вѣрно очень радовалась. А тебѣ, Линской, стыдно упрекать меня: никто изъ товарищей не любилъ тебя такъ, какъ я; и теперь, когда тебѣ дѣлается скучно и ты становишся грустнымъ, то и мнѣ веселіе нейдетъ на умъ.

Вотъ вчера на балѣ у Графа: повѣришь ли, что я не могъ сдѣлать двухъ круговъ вальса: все въ головѣ мерещилось, что ты болѣнъ, что тебѣ хуже,

да и Богъ знаетъ что̀.— Тутъ Линской пожалъ ему руку и слеза благодарности показалась на его щекѣ.

«Извини, Славской, сказалъ онъ, иногда горести дѣлаютъ меня суровымъ и несноснымъ. О! если бы ты хотя одну четверть перенесъ всѣхъ моихъ несчастій, тогда бы посмотрѣлъ я на твою веселость. Ты прожилъ только три года внѣ родительскаго дома, и то не зналъ, какъ дождаться милой минуты свиданія съ родными. Но еслибъ ты былъ на моемъ мѣстѣ; если бы навсегда лишенъ былъ надежды видѣться съ родителями..... Ахъ! какъ это тягостно! отверженный жестокосердымъ отцемъ и всѣми родными, я скитаюсь одинъ и нигдѣ нѣтъ мнѣ пристанища. Теперь я съ

тобою; кто знаетъ, гдѣ я буду завтра? Кто приметъ и приласкаетъ покинутаго сироту? съ кѣмъ раздѣлю я свои горести, кому повѣрю тайны сердца? Ты приѣдешь домой, Славской, тебя радостно встрѣтятъ домашніе и на груди нѣжной матери ты забудешь старыя неприятности. А я. . . . послѣдній слуга отца моего не приметъ меня въ свое жилище и откажется отъ моего знакомства; посмѣю ли показаться на глаза гнѣвнаго родителя? И за чѣмъ возмущать мирное семейство; за чѣмъ страдать моимъ ближнимъ, когда отъ этаго не облегчится моя участь. . . »— Но проси прощенія. . . —« Прощенія? . . . Нѣтъ, Славской, мнѣ нѣтъ прощенія; не льзя пересилить природы. Положимъ даже, что отецъ опять

простить меня, но буду ли я покойнѣе? Какъ забыть мои заблужденія. . . . мои. . . ? Нѣтъ, Славской, прощенія только вредили мнѣ; онѣ давали поводъ къ новымъ проступкамъ, къ новымъ несчастіямъ. Боже мой! какъ дорого заплатилъ я за не многія счастливыя минуты. Я только одинъ разъ былъ счастливъ: въ Миланѣ; тамъ я оставилъ все: мою честь, Эльвиру и маленькаго Іосифа. Ахъ, Славской! еще за одну такую счастливую минуту я отдалъ бы жизнь, я взялъ бы даже еще десять лѣтъ моей страдальческой жизни. За чѣмъ разлучили насъ? она была такъ прелестна! маленькій сынъ нашъ платилъ мнѣ собою за всѣ прежнія мои страданія: я былъ такъ счастливъ!

О, если я встрѣчу тебя, злобный Доджино! если я встрѣчу тебя. . . . .»

Судорожное движеніе потрясло Линскаго; невольно схватился онъ за кинжалъ, который имѣлъ привычку носить при себѣ. Ударило одиннадцать часовъ; онъ взялъ шляпу: Славской! не жди меня ужинать: я сегодня не приду домой; не забудь погасить свѣчу, не надѣлай бѣды.

9.

Свершилось! цѣлью упованья
Не зритъ онъ въ мірѣ ничего,
И вы, послѣднія мечтанья,
И вы сокрылись отъ него!

А. Пушкикъ.

На столѣ, въ комнатѣ Владислава, лежала пара пистолетовъ и кинжалъ. Самъ

Владиславъ, какъ отчаянный, бродилъ по своей комнатѣ, призывалъ своего вѣрнаго Николая и распоряжался. Написалъ письмо и велѣлъ на другій день по утру отнести его Амаліи.

Развѣ вы сами завтра здѣсь не будете? спросилъ встревоженный Николай.—Можетъ быть нѣтъ, отвѣчалъ Владиславъ, и глубокій вздохъ вырвался изъ груди его. Безмолвно вышелъ Николай изъ комнаты.

Владиславъ садится въ свое кресло. Мрачнѣе взоръ его; кажется, что онъ самъ себя страшится. Вотъ онъ не много успокоился; ложится на кровать, но сонъ далекъ очей его. До сихъ поръ, говоритъ онъ, душа моя чиста: никто не упрекнетъ меня въ преступленіи; до

сихъ поръ я могъ быть образцемъ честности и великодушія; а черезъ часъ, что будетъ со мною? прочь, мысль преступная, прочь! никогда рука моя не осквернится. . . . Онъ схватываетъ пистолеты и спускаетъ курки. Пули прострѣлили противу-стоявшій портретъ Адольфа. Встревоженный Владиславъ подходитъ къ портрету; одна пуля прострѣлила грудь друга. «Адольфъ! прости, что дерзкая рука отчаяннаго Владислава не умѣла сберечь твоего подарка! Этотъ портретъ ты подарилъ мнѣ еще въ юности; онъ одно изъ лучшихъ воспоминаній моей горестной жизни. . . .»

Снова хочетъ онъ предаться сну, но напрасно; безсонница мучитъ его и неподвижные глаза устремлены на пор-

третъ. Для разсѣянія начинаетъ онъ читать Чайльдъ-Гарольда; онъ читаетъ, но мысль его бродитъ далеко; онъ произноситъ одни пустые звуки, которые исчезаютъ вмѣстѣ съ эхомъ — и ничего не остается въ его памяти. Болѣе и болѣе погружается онъ въ мечтанія, рука опускается, книга упадаетъ. . . . « Можетъ быть теперь, въ эту самую минуту, онъ опять съ Амаліею. . . . можетъ быть роковая лѣстница опять у окна и Амалія въ ожиданіи. . . . можетъ быть онъ въ ея объятіяхъ. . . . Нѣтъ! она моя, любовь мнѣ отдала ее. . . можно ли снести спокойно такую потерю? . . . »

Внезапно, какъ молнія въ черной тучѣ, мелькнула мысль въ мрачной думѣ. Онъ стремительно бросился къ пистолетамъ,

зарядилъ ихъ съ поспѣшностію и выбѣжалъ изъ дому.

Съ слезами на глазахъ, смотрѣлъ Николай ему въ слѣдъ: часто съ Владиславомъ, въ минуты восторга, случались такія движенія, но никогда не были онѣ такъ быстры; никогда не видали въ немъ такой рѣшительности, такого отчаянія. Нерѣдко отлучался онъ изъ дому и бродилъ по цѣлымъ ночамъ, одинъ съ своими мечтами; но тогда онъ бывалъ тихъ, кротокъ, особенно привѣтливъ. Теперь же глаза быстро поворачивались, щеки пламенѣли, грудь трудно подымалась... Не быть добру, сказалъ горько Николай, и задвинулъ тяжелымъ запоромъ ворота.

10.

Кого тамъ ищутъ эти очи,
Въ кругу людей, наединѣ,
Въ златыхъ мечтахъ безсонной ночи?
К.

Отъ чего сердце твое, Амалія, трепещетъ болѣе обыкновеннаго? Отъ чего источникъ слезъ твоихъ обильнѣе? Не новая ли потеря умножила число твоихъ страданій? Не родитель ли оставилъ тебя сиротою?

Нѣтъ; онъ живъ, онъ живетъ еще для своего несчастія.

Но другія заботы занимаютъ тебя, Амалія; для кого приказала ты поставить лѣстницу у своего окна? для кого приказала отпереть калитку сада? Или думаешь, что Владиславъ раскаялся и

спѣшитъ въ твои объятія? Нѣтъ, Амалія, все кончено! Никогда Владиславъ не обоймешъ тебя непорочными руками; никогда онъ не прижмешъ тебя къ груди, еще не преступной; все кончено: онъ рѣшился сдѣлаться преступникомъ! Ахъ, Амалія, пади на колѣна передъ Распятіемъ, моли Всемогущаго о помилованіи, пока еще время, пока преступленіе еще не свершилось. Ты безмолвна, и взоръ твой не обращается къ кресту; онъ потупленъ въ землю и ты боишся поднять его. Не мрачное ли предчувствіе тебя тревожитъ? Ты ожидаешь роковой минуты, какъ агнецъ, котораго ведутъ на убійство. Но чу! лѣстница шатается, Амалія къ окну; ни кого.... одна лѣстница и все пусто. Вѣтеръ про-

стучалъ въ ставняхъ, и Амалія опять къ окну. Не спѣши, Амалія; еще встрѣтишь ли ты того, кого ожидаешь съ такимъ нетерпѣніемъ. . . .

11.

Stille, was schlüpft durch die Hecken
Rasselnd mit eilendem Lauf?

Schiller.

Ночный воръ, съ пистолетами въ трепещущихъ рукахъ и съ кинжаломъ за поясомъ, пробирается по опустѣлымъ дорожкамъ сада Амаліи; онъ весь трясется и, кажется, не привыкъ къ злодѣяніямъ; кажется, что онъ въ первый разъ еще идетъ на убійство. Онъ что-то напѣваетъ и голосъ его дрожитъ, какъ го-

лосъ нещастнаго, котораго ведутъ на мѣсто казни. Одежда его въ разстройствѣ, взоры дики; не совершилъ ли онъ уже злодѣянія? или только еще спѣшитъ?

Нѣтъ! то не ночный разбойникъ, то не кровожадный убійца: то нещастный, отчаянный Владиславъ, почти бездыханный! Куда спѣшитъ онъ? За чѣмъ передъ окномъ Амаліи въ полночь? какое преступное желаніе привело его сюда? ужели мщеніе? Нѣтъ! мщеніе далеко души его; благородный юноша не хочетъ ли передъ окномъ нѣжно любимой, но по его мнѣнію невѣрной невѣсты, кончить печальные дни свои? показать ей, къ чему доводитъ отчаянная любовь? Какъ затрепеталъ онъ, когда увидѣлъ роковую лѣстницу, причину всѣхъ бѣдствій у окна

Амаліи. « Опять ты будешь у ней, счастливый соперникъ, ты будешь обнимать ее, ты будешь обнимать мою невѣсту, мое блаженство. . . . а я? я долженъ печально кончить жизнь при звукахъ вашихъ лобзаній; я долженъ умереть у той стѣны, которая услышитъ ваши нѣжные разговоры. . . . За чѣмъ родился я? За чѣмъ не погибъ преждевременно въ груди матери, когда суждено было сдѣлать меня несчастнымъ. . . . Нѣтъ, Амалія моя, ея сердце—мое, ея красоты—мои; мнѣ принадлежатъ ея лобзанія, мнѣ ея ласки. . . . Нѣтъ! я не допущу тебя, преступница, до новаго преступленія; я избавлю тебя отъ новаго стыда. . . . » Тутъ, отъ изнеможенія силъ, онъ падаетъ въ кустъ травы; приходитъ въ себя, хо-

четъ молиться, но слова замираютъ на устахъ и звуковъ не слышно. «Амалія, Амалія! Какъ ты мнѣ дорого стоишь! всѣмъ жертвую для твоего спасенія: моею честію, жизнію. . . . все приношу тебѣ, по любви. . . . Какую-то получу награду за прежнюю вѣрность?»—

12.

Und schwer getroffen sinkt er nieder.

Schiller.

Лѣстница трещитъ. Владиславъ устремляетъ на нее пылающіе взоры. Ахъ! тотъ же Офицеръ готовится на свиданіе съ Амаліею и поправляетъ лѣстницу. Отчаянный Владиславъ бросается къ нему. Умри, закричалъ онъ — и несчаст-

ный, раненый въ грудь двумя пулями, упалъ безъ дыханія на землю. Амалія слышала выстрѣлъ, Амалія видѣла, какъ братъ ея упалъ. . . . . и осталась безъ чувствъ.

Владиславъ подходитъ ближе къ убитому, чтобы насладиться жертвою своего мщенія, и что же ?— « Адольфъ ! простоналъ онъ, Адольфъ ! я убійца твой ! Милый другъ, ожидалъ ли я. . . . Ты невинна, Амалія ! . . . »

13.

Die Ideale sind zerronnen,
Die einst das trunkne Herz geschwellt !
Schiller.

Что возвѣщаетъ печальный стонъ колокола ? откуда и погребальныя пѣснопѣнія, и плачь, и рыданія ?

Тѣло Адольфа возвращается въ нѣдра истинной матери: оно предается землѣ. Церковь Никиты Мученика наполнена любопытными. Не многіе только жалѣютъ о несчастномъ погибшемъ, какъ должны жалѣть благородныя души! Не многіе только пришли отдать послѣдній долгъ убитому: прочихъ привело пустое любопытство. «Онъ былъ очень добръ, говорилъ одинъ.» — «Онъ былъ очень золъ и убилъ своего командира, твердилъ другій.» — «Онъ погибъ по-дѣлóмъ, увѣрялъ третій: онъ много надѣлалъ дурнаго.» — Такъ говорили любопытные, привлеченные не горестію, но желаніемъ посмотрѣть на пышность гроба и погребальнаго шествія.

Близъ гроба стояли два офицера. Славской! желалъ ли бы ты умереть такою смертію? говорилъ одинъ другому.— «О нѣтъ! всего для меня ужаснѣе — умереть отъ руки друга, и друга любимаго. Вообрази, что Линской убитъ тѣмъ самымъ оружіемъ, которое онъ подарилъ Владиславу на память, бывши въ Англіи. Тамъ Владиславъ всегда ѣздилъ съ нимъ вмѣстѣ на охоту и носилъ при себѣ эти пистолеты; и вотъ для чего послужили они. . . . Все должно было объясниться на другій день. Амалія хотѣла просить брата о томъ, чтобы онъ открылъ Владиславу глаза, чтобы вывелъ его изъ заблужденія; для этаго назначила брату свиданіе ночью, потому что отецъ запретилъ ему входъ въ свой домъ; и что

же? Владиславъ убиваетъ Адольфа въ ту самую минуту, когда этотъ идетъ совѣтываться, какъ бы возвратить ему счастіе. . . . это ужасно! Охъ! Я бы не желалъ такой смерти. . . .»

Но Владиславъ не имѣлъ намѣренія убить Адольфа?— « О! разумѣется нѣтъ; онъ совсѣмъ не зналъ, что Адольфъ здѣсь, а то все бы ужь давно объяснилось. Видишь ли: Адольфъ не смѣлъ явиться на глаза раздраженнаго отца и просилъ сестру доставить ему какъ нибудь свиданіе. Сестра и предложила влѣзть ночью въ окно изъ саду: Адольфъ такъ и сдѣлалъ. Владиславъ же имѣлъ привычку гулять ночью и, какъ говорится, мечтать подъ окнами своей любезной. Одинъ разъ онъ видѣлъ Адольфа въ комнатахъ Ама-

ліи, не узналъ его въ темнотѣ и тутъ же положилъ оставить Амалію, которую подозрѣвалъ въ измѣнѣ. Вотъ съ чего все началось, и отъ такого незначительнаго недоумѣнія, Боже мой, до чего дошло!»— Такъ этотъ Владиславъ былъ друженъ съ Адольфомъ?—

«Да какъ же! вѣчно вмѣстѣ, всегда душа въ душу; съ самаго дѣтства учились вмѣстѣ, и—какъ любили другъ друга! Мнѣ разсказывалъ вчера слуга Адольфа великодушный поступокъ Владислава въ Англіи. Вся фамилія жила тогда въ Бервикѣ, въ Шотландіи, а Адольфъ жилъ подъ вымышленнымъ именемъ; какъ-то открыли его и хотѣли доставить въ руки нашего посланника. Тогда Владиславъ одѣвается въ его платье, садится въ

его кабинетѣ и ждетъ прибытія полиціи. Его берутъ и отправляютъ къ посланнику, а Адольфъ между тѣмъ скрывается. Великодушіе Владислава и слезы Амаліи тронули добраго посланника: онъ простилъ друга и возвратилъ его въ объятія Амаліи и престарѣлаго ея родителя. Кто бы могъ тогда подумать, что Адольфъ умретъ отъ руки Владислава, но. . . . .»

Прибытіе всего семейства умершаго прекратило разговоры молодыхъ офицеровъ. Начинается отпѣваніе и послѣдній поцѣлуй родныхъ напечатлѣлся на хладныхъ щекахъ Адольфа. Адольфъ! если бы ты могъ почувствовать, что родитель со слезами прощенія лобызаетъ тебя! Если бы могъ видѣть, какъ плачетъ о

тебѣ нѣжная сестра! Нѣтъ только твоего друга. . . . За чѣмъ не пришелъ онъ? за чѣмъ оставляетъ тебя въ последнюю минуту, когда во всю жизнь былъ съ тобою вмѣстѣ? Гдѣ скрывается онъ отъ невольнаго преступленія? Гдѣ несчастный убійца?

Но уже тѣло Адольфа опускаютъ въ каменную могилу; не погребутъ ли съ нимъ вмѣстѣ и сію несчастную, которая безъ чувствъ лежитъ при могилѣ?

Нѣтъ, ее не погребутъ вмѣстѣ съ Адольфомъ; несчастная Амалія еще дышетъ и напрасно проситъ, чтобы ее заключили въ одну могилу съ любимымъ братомъ. . . . она живетъ еще, но какъ? — Жизнь ея хуже смерти; нечаянная горесть такъ ее поразила, что она забы-

ла вдругъ все земное и помнитъ только новое несчастіе. Часто послѣ горькихъ слезъ, она громко хохочетъ; часто принимаетъ родителя за Владислава, и тогда, горе несчастному! Тогда грозно спрашиваетъ она у мнимаго преступника оправданій; требуетъ мщенія за невинно пролитую кровь; въ ярости стремится нанести ударъ и не узнаетъ, что передъ нею ея родитель, а не убійца любимаго брата. Часто отвергаетъ ласки неутѣшныхъ подругъ; часто разговариваетъ съ Адольфомъ, думая, что онъ еще живъ; часто забываетъ себя, поражаетъ ударами нѣжную грудь. . . . Амалія! до чего довели тебя горести!

14.

Какъ.... ангела обнять
Окровавленными руками?
Козловъ.

Но гдѣ же преступникъ? куда онъ сокрылся? убѣжалъ ли въ мѣста отдаленныя? или сѣтуетъ на гробѣ друга?

Тамъ встрѣтилась однажды Амалія съ прежнимъ своимъ женихомъ. Неожиданное свиданіе .... Амалія пришла въ себя и тутъ почувствовала всю горесть своего положенія. Какъ виновный передъ Судіею въ день мщенія, такъ стоялъ неподвижно Владиславъ: прежнія радости, искренняя любовь и недавнее убійство наполняли его душу. Амалія оправдывала его; добрая Амалія видѣла преступленіе

случая, а не Владислава; хотѣла просить ему; но онъ съ твердостію отвѣчалъ ей: Я убійца, Амалія; я лишился тебя навсегда; дѣло ли это случая или моего отчаянія — все равно: никогда преступная, злодѣйская рука не обниметъ невинную сестру убитаго мною друга . . . . Нѣтъ! Амалія, я недостоинъ прощенія; какъ смою кровавое пятно съ руки моей? какъ скрою его отъ глазъ твоихъ? — И Амалія снова въ прежнемъ положеніи: все забыто и оставлено; въ разстройствѣ отвозятъ ее домой. Ни чьихъ услугъ не можетъ она сносить: одинъ только Славской всегда при ней; только Славской, какъ вѣрный другъ покойнаго брата, имѣетъ право на ея дружбу; она всѣхъ забыла, никого не знаетъ,

кромѣ Славскаго. Часто онъ умоляетъ ее и проситъ успокоиться; часто предлагаетъ себя для перенесенія ея трудовъ; хочетъ соединиться съ нею, чтобы болѣе облегчить ее: но она всегда отказываетъ и не склоняется на прозьбы юнаго друга.

Чернецъ, Чернецъ! ужели ты
Всё помнишь прежнія мечты?
Козловъ.

Когда я посѣщалъ древнія стѣны Волоколамскаго монастыря, то тамъ видѣлъ отшельника угрюмаго и неутѣшнаго. Одинъ живетъ онъ отдѣльно отъ всѣхъ монаховъ, рѣдко говоритъ съ ними, не принимаетъ участія въ общей молитвѣ.

Иные называютъ его гордецомъ; другіе— сумасшедшимъ; нѣкоторые увѣряютъ, что это знатный человѣкъ, удалившійся отъ свѣта, гдѣ безпрерывныя несчастія сдѣлали его человѣконенавидцемъ. По ночамъ рѣдко спитъ онъ: въ темной кельѣ, на колѣнахъ, посвящаетъ часы успокоенія раскаянію; часто, по прежней привычкѣ, бродитъ онъ около стѣнъ монастырскихъ и поетъ гимны, въ которыхъ изливается страждущая душа его. Никто изъ братій его не посѣщаетъ; всякій бѣжитъ ночной съ нимъ встрѣчи; но онъ привыкъ къ одиночеству, онъ не жалуется на презрѣніе и самъ скрывается отъ ихъ сообщества. Скрываетъ свое имя, но всѣ въ околодкѣ зовутъ его Владиславомъ; одинъ разъ въ году отлу-

чается онъ изъ монастыря, и тогда неизвѣстно гдѣ находится. Мнѣ разсказывали, что онъ часто сидитъ въ своей кельѣ и что-то пишетъ; но тогда, горе иноку, пришедшему къ нему за дѣломъ: мрачное лице и сухая рѣчь провожаютъ его. Иногда, говорятъ, по цѣлымъ часамъ сидитъ онъ на берегу пруда и неподвижно смотритъ на воду; и тогда за нимъ присматриваютъ. Кто проникнетъ въ душу твою, инокъ злополучный? Кто узнаетъ, что̀ волнуетъ ее? Кто увидитъ, какъ самъ адъ свирѣпствуетъ въ ней?

Викторъ Стройскій.

ЖИЗНЬ.

(*Аллегорія*).

Я сидѣла; надо мною
Вѣтви сводами свились;
Близко съ лиліей младою
Розмарины обнялись.
Вдругъ прозрачно покрывало
Опустилося мое; —
Мнѣ казалось, все прияло
Неземное бытіе.

Легкимъ, свѣтлымъ одѣяньемъ
Гибкій станъ былъ мой покрытъ;
Вѣтръ полуденный дыханьемъ
Умножалъ огонь ланитъ. —
Вдругъ, я силой неземною
Въ рай была принесена,
Вижу садъ — передо мною
Дверь его отворена.

Я вошла въ него, — закатомъ
Солнца былъ онъ освѣщенъ;
Воздухъ свѣжимъ ароматомъ
Розъ и лилій напоенъ.
Быстро въ облачномъ сіяньи,
Будто тихій вѣтръ принесъ,
Въ бѣлоснѣжномъ одѣяньи
Свѣтлыхъ жителей небесъ.

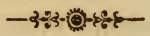
Мнѣ, колѣнопреклоненной,
Яркимъ блескомъ озаренъ,
Крестъ златой — символъ священный —
Былъ *однимъ* изъ нихъ врученъ.
А *другимъ* — мечты златыя
О небесномъ, неземномъ,
Гдѣ страданія земныя
Награждаются вѣнцомъ.

Отъ *послѣдняго* приняла
Поцѣлуй нетлѣнный я....
И словамъ Благихъ внимала:
« Въ безмятежныя края

Принеси дары земные —
Тамъ увидимся опять;
За награды — здѣсь святыя —
Тамъ получишь благодать.»

Тихимъ вѣтромъ покрывало
Вновь открылося мое;
И со мною все прияло
Прежній видъ и бытіе.
То былъ сонъ. — Передо мною
Пламенѣли небеса,
Блескъ ихъ съ утренней зарею
Отразитъ моя слеза.

Ламверъ.



ПРЕСТУПНИКЪ.

Угасли звѣзды въ небесахъ;
Подруга сна и сладкой лѣни
Спѣшитъ блѣднѣющія тѣни
Сокрыть въ пещерныхъ глубинахъ
Передъ денницею Востока;
Такъ призракъ гибельный порока
Скрываетъ гнусный образъ свой
Предъ добродѣтелью святой.
Я вижу, тополи густые
Свились надъ гробовымъ крестомъ;
Здѣсь дремлютъ непробуднымъ сномъ
Остатки вѣчнаго земные.
Ничто ихъ сна не возмутитъ,
Сама Природа дремлетъ съ ними;
И все, картинами живыми,
Краснорѣчиво говоритъ:

И ты здѣсь, смертный, будешь скрытъ!
Но кто, безмолвный и унылый,
Сидитъ въ тѣни деревъ густой? —
Конечно прахъ, страдальцу милый,
У ногъ его, могильной мглой
Объятъ — и съ нимъ любовь, блаженство,
Надежда — жизни совершенство —
Сокрыты сю отъ него.
Чѣмъ онъ живетъ? — Что здѣсь его,
Какъ не одно воспоминанье
И жизни лучшей ожиданье? ....
Но онъ въ грядущемъ ничего
Не признаетъ, не ожидаетъ....
Ужели, дерзостный, не знаетъ,
Что вѣра жизни лучшій цвѣтъ? —
Ужель его не услаждаетъ
Ея божественный привѣтъ?
Смири разсудка непреклонный,
Забудь тщеславный, гордый умъ,
И укроти порывъ нескромный
Преступныхъ, дерзновенныхъ думъ!

Въ сей мигъ безмолвія священный,
У гроба матери твоей,
Взгляни, мечтатель дерзновенный,
Во глубину души своей, —
Взгляни какая буря въ ней!
Кто гость сей грозный, но не зримый,
Сей червь снѣдающій покой?
То совѣсть, то гонитель твой,
Ничѣмъ, нигдѣ неотразимый!
Напрасно здѣсь твой злобный духъ
Могильный камень вопрошаетъ, —
Безмолвенъ онъ; страдальца слухъ
Лишь голосъ вѣры лобызаетъ;
Но онъ тобою заглушенъ —
И для тебя мертва природа....
Ужели смерть твоя свобода?
Ужель безсмертіе твой плѣнъ?
Тебѣ ужасна скоротечность;
И вихри буйственныхъ страстей
Отъ глазъ твоихъ скрываютъ вѣчность,
Но совѣсть неразлучна съ ней! —

Настанетъ день — страданья, муки —
Твои незримыя подруги ;
Ты вѣчно думать осужденъ :
Я для нещастія рожденъ ,
Мнѣ на землѣ нѣтъ утѣшенья !
Тебя бѣгутъ воображенья
Страдальцу милыя мечты,
Живой природы красоты ;
Сіи подруги вдохновенья —
Безмолвны , мертвы предъ тобой....
Членъ общества тебѣ чужой ,
Ты въ тайнѣ ждешь съ нимъ примиренья !
Раздастся ль колокола звукъ ,
Тебѣ ничто сей звукъ отрадный ;
Но въ сердцѣ голосъ не понятный
За чѣмъ твой возмущаетъ духъ ? —
Сей звукъ тебѣ напоминаетъ
Послѣдній , страшный жизни часъ ,
И вѣчности призывный гласъ
Съ нимъ вмѣстѣ слухъ твой поражаетъ;
Во храмѣ , близь святыхъ иконъ ,

Благоговѣнья гласъ приятный
Лишь твой не услаждаетъ стонъ,
Ни небу, ни землѣ невнятный.
Настачетъ ночь; не приведенъ
Къ тебѣ Морфей рукой надежды
И ею не закрыты вѣжды;
Тебѣ ужасенъ самый сонъ,
Тебѣ невѣдомъ рой мечтаній —
Печали молодыхъ подругъ —
Надеждъ, небесныхъ ожиданій;
Въ немъ не лобзаетъ гордый слухъ
Святое вѣры утѣшенье;
Привѣтъ потерянныхъ друзей,
Съ небеснымъ гнѣвомъ примиренье
И тайный гласъ души твоей
Злодѣя сонъ не услаждаетъ:
Онъ будущность грядущихъ дней
Тебѣ ужасной представляетъ,
Въ немъ матери послѣдній вздохъ
Тебѣ гласитъ: есть въ мірѣ Богъ!
Но сынъ невѣрія нещастный,

Мечтатель, вспомни часъ ужасный,
Когда холодною рукой
Тебѣ покажетъ смерть нѣмая
Отверстый гробъ передъ тобой,
И вѣра чистая, святая
Не озаритъ его собой. . . .
Злодѣй! ужасна мгла ночная
У бездны, на скалѣ крутой,
Не озаряемой луной;
Но что же ночь передъ могилой? —
Напрасно, врагъ надежды милой,
Ты будешь вѣчность вопрошать:
Она безмолвна; быстрымъ взоромъ
Напрасно будешь проницать
Въ нее, одѣтую покровомъ! . . .
Твой жребій мучиться, страдать
И съ трепетомъ ждать муки новой. . . .
Но мрачный гробъ, тебѣ готовой,
Не отдалятъ потоки слезъ;
И ангелъ свѣтлаго эѳира
Къ тебѣ слетитъ не съ вѣстью мира,
Но съ грознымъ мщеніемъ небесъ!

К.

ЕВГЕНІИ.

Очаровательница — дѣва,
Моя душа полна тобой!
Твоя улыбка, пламенъ гнѣва,
Взоръ, отуманенный тоской,
Твоя младенческая радость
Вливаютъ тайно въ чувства мнѣ
Всеоживляющую сладость,
Желаній дерзкихъ въ тишинѣ.

Не обмани надежды нашей!
Блистай земною красотой
И бытія волшебной чашей
Впивай блаженство и покой!
Я щастливъ, Пери полуночи, (*)
Что не могу любить тебя;

(*) Пери Сѣвера.

Твоя улыбка, станъ и очи —
Твоя любовь не для меня!

Тому не сбыться, что мечталось
Въ летучей младости моей;
Что съ нею вмѣстѣ зарождалось,
То и погибло вмѣстѣ съ ней!
Тебя здѣсь нѣтъ, въ земной пустынѣ,
Дитя небесное мечты!
Не ясно въ творческой святынѣ
Моей души блеснула ты.

Предъ нею міръ осеребрила
Сіяньемъ радужнымъ вѣнца:
Всѣ чары жизни разтворила
Въ нѣмой улыбкѣ мертвеца —
И скрылась райскою мечтою
Обременительнаго сна. . . . .
И я спокоенъ, какъ грозою
Опустошенная страна! . . .

Какъ эти локоны златые
Небрежно падаютъ въ волнахъ !
Какъ робко чувства неземныя
Ихъ развѣваютъ на плечахъ !
О какъ уста твои пылаютъ
Невыразимое сказать !
Имъ жарко дышутъ — начинаютъ —
И замыкаются опять !

Кого такъ ищутъ эти очи ? . . .
Въ кругу людей , на единѣ ,
Въ златыхъ мечтахъ безсонной ночи,
Въ твоемъ пророчественномъ снѣ ,
Онъ надъ тобой , какъ ангелъ , вьется ,
Душѣ понятенъ , невидимъ ,
Въ картинѣ блещетъ , въ звукѣ льется ,
Ясминъ и роза дышутъ имъ.

Когда луна сквозь паръ мерцаетъ ,
Какъ факелъ брачный, въ небесахъ ,

Куда твой быстрый взоръ летаетъ
Въ ея таинственныхъ лучахъ?
За чѣмъ впивается онъ съ ними
Глубоко въ сумрачную даль?
За чѣмъ съ мечтами неземными
Въ тебѣ сливаетъ онъ печаль?

Кудабъ ни шла ты, ожиданьемъ
Томится дѣвственная грудь;
Какимъ-то сладкимъ упованьемъ
Сопровождается твой путь,
И кто-то пламеннымъ лобзаньемъ
Къ устамъ касается твоимъ,
Какъ будто ангельскимъ дыханьемъ
Тебя лелѣетъ Серафимъ.

Твой чутокъ сонъ—ты засыпаешь—
И содрогаешся, въ мечтахъ
Подушки жаркія сжимаешь
Въ твоихъ пылающихъ рукахъ,
И пробудясь, въ ихъ пухѣ нѣжномъ
Ты сладко млѣешь, ты дрожишь,

Ты, въ немъ раскинувшись небрежно,
То замираешь, то горишь.
Очаровательница - дѣва!
Еще душа твоя чиста,
Какъ звуки сладкаго напѣва,
Какъ безтѣлесная мечта;
Но близокъ часъ! . . . съ другой душою
Въ безсмертно-пламенномъ *люблю*
Сольешься ты, какъ я съ тобою
Теперь сливаю пѣснь мою! . . .

К.

ПИРРЪ.

Легкимъ паромъ окруженъ,
Мѣсяцъ чуть ліетъ сіянье;
Такъ сквозь сумраки временъ
Зримъ великаго дѣянье.

Съ моря тихій вѣтеръ вѣетъ,
Мѣсяцъ на небѣ блеснулъ,
Вдругъ за тучей потонулъ
И лазурь небесъ темнѣетъ.
Станъ Атреевъ въ полѣ спитъ,
И, волнуясь межь брегами,
Грозно пѣняся, шумитъ
Море бурное волнами.

Снова ясный рогъ луны
Изъ-за облакъ выплываетъ,
И мгновенно изчезаетъ
Въ царствѣ вѣчной тишины. —

Кто же зрится при лучахъ
Вновь родившейся денницы ?
Нѣтъ на мощныхъ раменахъ
Пышной царской багряницы.

То могучій Пирръ стоитъ
Предъ гробницею Ахилла. . . . .
Чтожь душа его уныла ?
Что его такъ мраченъ видъ ? —
Какъ звѣзду въ дали туманной ,
Зритъ предбудущее онъ ,
И надеждою желанной
Ликъ печальный озаренъ.

« О Ахиллъ , сбылись мечтанья ! . . .
Троя въ прахъ превращена !
Въ страшномъ пламени она:
Тыжь не зрищь ея пыланья !
Такъ ! Не зритъ душа твоя ,
Какъ въ остаткахъ пламя вьется ;
Какъ въ развалинахъ ея
Плачь Троянцевъ раздается.

« Годы, вѣки пролетятъ
Надъ могилою героевъ;
Но угаснувшихъ ср. дь боевъ
Никогда не воскресятъ!
Хладной дланью стѣны Трои
Время плющемъ обовьетъ;
Тамъ, гдѣ билися герои,
Лань безтрепетно пройдетъ.

« Легкой тѣнію воздушной
Зрѣлъ тебя Неоптолемъ;
На главѣ пернатый шлемъ;
И могучему послушный
Воздухъ далъ свободный путь;
Всюду мракъ—Ахиллъ въ сіяньи;
Вѣтръ не смѣетъ и дохнуть;
Все въ ужасномъ ожиданьи.

« Онъ главу на грудь склонилъ,
Перья зыбились въ туманѣ;

Багряницею на станѣ
Грозный въ битвѣ мечь закрылъ;
Кудри легкою волною
По его вились плечамъ;
И несмертныхъ онъ стезею
Шелъ по доламъ и горамъ.

« Какъ небесное видѣнье,
Онъ явился въ облакахъ;
Но не тотъ огонь въ очахъ,
И не то ужь умиленье —
Взоръ потухшій обратилъ
На любимаго онъ сына;
И, печальный, говорилъ
Ужь не гласомъ исполина:

— « Сынъ! прахъ отчій успокой!...
« Преждевременну, унылу
« Ороси мою могилу
« Кровью дѣвы молодой.
« Вновь разрушь Троянски стѣны;
« Грустно тамъ мнѣ безъ нее —

« Грустно мнѣ безъ Поликсены ,
« Обрѣти скорѣй ее. »—

« Онъ сказалъ и вдругъ изчезъ
Въ безпредѣльности лазури ;
Будто вихрь — предвѣстникъ бури —
Тѣнь Ахиллову унесъ.
Тщетно мы напрягли силы
Бросить чуждыя скалы :
Намъ противились вѣтрилы
И Эгейскіе валы.

« Тщетно , тщетно мы кормило
Направляли въ край родной :—
Быстрый нашъ корабль волной
Въ чужду пристань уносило . . . .
Вновь я тѣнь Ахилла зрѣлъ
Въ безпредѣльности небесной ; —
Тоже молвя , улетѣлъ
Въ небеса призракъ чудесный.

« Ахиллесово желанье
Поспѣшите совершить :
Здѣсь Троянки кровь пролить ,
Здѣсь узрѣть ея страданье.—
Безъ того и не узрятъ
Греки родины прекрасной :
Волнъ морскихъ не усмирятъ ;
Имъ противиться—напрасно !

« Тамъ идутъ изъ градскихъ вратъ
Дѣвы юныя толпою ;
Въ сердцѣ съ грустію , тоскою ,
Оставляютъ пышный градъ ;
Тамъ—еще разъ обнимаетъ
Поликсену нѣжна мать ,
Тщетно силится , желаетъ
Поликсену удержать. —

« Дочь Гекубы ужь вступаетъ
Въ станъ безтрепетныхъ сыновъ ;

Калхасъ, сонмами жрецовъ
Окруженный, поспѣшаетъ,
Чтобъ обрядъ святый свершить. —
Все готово для закланья:
И священный ножъ лежитъ
И горятъ благоуханья.

— «Твой отецъ меня зоветъ
«Въ безмятежную могилу,
«Я сама иду къ Ахиллу;
«Тамъ давно меня онъ ждетъ!
«Ждетъ, чтобъ Пирровой рукою
«Здѣсь была я сражена;
«Чтобъ осталась сиротою
«Здѣсь Пріамова жена.

«Зрю, Гекуба возсылаетъ
«Къ небу теплыя мольбы:
«Премѣнить законъ судьбы
«Нѣжна матерь умоляетъ.

«Но напрасно! — Грозный часъ
«Наступилъ для Поликсены. . . .
«О простите, болѣ васъ
«Мнѣ не зрѣть, Троянски стѣны.»

И трепещущей рукою
Ножъ священный, роковой
Приняла, и изъ младой
Груди быстрою струею
Полилась Троянки кровь. . . .
О Пріамова супруга!
Гдѣ надежда, гдѣ любовь?
Гдѣ души твоей подруга?

Смолкло все; лишь на поляхъ
Вѣтерокъ порой играетъ
И въ остаткахъ раздуваетъ
Яркій пламень; въ небесахъ
Легкій дымъ, переливаясь,
Быстро въ безднѣ изчезалъ,

То являясь, то скрываясь
За верхами дикихъ скалъ.

Посмотрите, тамъ бѣлѣютъ
Легки парусы вдали:
Быстро Пирра корабли
То на морѣ грозномъ рѣютъ,
Къ милой родинѣ плывутъ,
Бросивъ берегъ падшей Трои;
Тамъ въ объятія падутъ
Къ старцамъ юные Герои!—

Ж.

ЧЕРКЕСЪ.

Какъ вихрь полей иль соколъ ясный,
Черкесъ на горномъ скакунѣ
Одинъ въ глубокой тишинѣ
Вдоль брега мчится. Думой мрачной
И дикимъ мщеньемъ полонъ онъ.
Во тьмѣ ночной казакъ проворный,
Отваги хищныхъ врагъ упорный,
На пнѣ преплылъ широкій Донъ.
Въ аулъ неслышною стопою
Прокравшись, свелъ его коней
И предалъ смерти двухъ дѣтей;
Потомъ вновь прежнею стезею
Съ своей добычей глубь рѣки
Онъ миновалъ—и кони мчатся. . . .
Уже въ горахъ сосѣднихъ зрятся
Пикетовъ ближнихъ казаки. . . .

И радость дерзкаго набѣга
Его младый и гордый умъ
Волнуетъ счастьемъ новыхъ думъ;
И жизни вольной страсть и нѣга
Его манятъ подъ сѣнь шатра,
Гдѣ онъ съ козачькой черноокой
Иль съ дѣвой горъ, въ часъ ночи строгой,
Вкушалъ не рѣдко сладость сна.
Безмолвно всюду. . . Вдругъ столпъ пыльный
Восталъ вдали, все ближе шелъ;
Козакъ въ него свой топитъ взоръ
И мыслитъ: это вихрь пустынный
Сухой земли волнуетъ прахъ. —
Но пыль все ближе . . . вотъ догнала
Донца и страшно засвистала
Стрѣла, и шашки грозный взмахъ
Блеснулъ, и всадникъ встрепенулся,
Глядитъ. . . . Черкесъ къ нему летитъ;
Въ его очахъ огонь горитъ;
И слуху горца крикъ коснулся.

И зыбкій дротикъ смерть съ собой
Несетъ ему въ своемъ стремленьи.
Но онъ съ коня изчезъ въ мгновенье
И смерть промчалась надъ главой.
Вспылалъ Черкесъ досадой злой
И самъ съ сѣдла спрыгнулъ проворно,
Летитъ къ нему. . . . Но сей спокойно
Своею саблею стальной
Удары быстрые отводитъ
И самъ наноситъ въ свой чередъ. . . .
Усилья тщетны. . . . сей и тотъ
Искуство равное находитъ;
Лiется кровь изъ тяжкихъ ранъ. . . .
Слабѣютъ оба. . . . но отмщенье
Даетъ ихъ силамъ вновь стремленье
И новыхъ язвъ кровь пьетъ курганъ. . . .
Но часъ насталъ. . . . и жребій рока
Питомца горъ на смерть обрекъ,
И сынъ свободы прахомъ легъ
Вдали отъ отчаго порога!

В. Григорьевъ.

МЫСЛИ, ВЫПИСКИ

И ЗАМѢЧАНІЯ.

Воображеніе — канва, таланты — шерсть. Иный хорошею шерстію вышиваетъ очень дурно и не красиво; а у другаго и съ дурною шерстію выходитъ очень хорошо: все зависитъ отъ вкуса.

Вотъ процессъ нынѣшняго образа писать или кропать стихи: Поэтъ садится въ челнокъ *мечтанія*, плыветъ по озеру *воображенія*, доплываетъ до пристани *вдохновенія*, выходитъ на

берегъ *очарованія* и гуляетъ въ странахъ *самозабвенія*. Изъ описанія такого путешествія выходитъ обыкновенная плаксивая Элегія; въ ней поэтъ тужитъ о быломъ и прошломъ, страшится будущаго, проклинаетъ свою судьбу и ничтожность, хвалитъ какую-то прежнюю удалость, исчетъ несуществующаго, смотритъ на невидимое, желаетъ несбыточнаго, стонетъ о чемъ-то туманномъ, жалѣетъ о горькихъ радостяхъ, сѣтуетъ о сладкихъ горестяхъ, и проч. и проч. и проч.

Женщины наполняютъ пустоты жизни такъ, какъ пшено промежутки въ виноградномъ боченкѣ: пшено ничего не стóитъ, никуда негодится, а между

шѣмъ необходимо, чтобы виноградъ не испортился.

Французы очень вѣрно переводятъ нашихъ Поэтовъ; жаль только, что переводы ихъ также схожи съ подлинниками, какъ Африканцы съ Европейцами. Нѣкто Héguin de Guerle такъ перевелъ начало піесы Батюшкова: Тѣнь друга.

Je hâtois ma course sur les flots vers la brumeuse Albion, qui s'offroit de loin à mes yeux comme submergée sous un océan de brouillards. La voix des alcyons, rassemblés autour de notre barque, nous guidoit sur les ondes, и проч. Боже мой! можнoли исказить удачнѣе? Батюшковъ говоритъ, что *покидаетъ* берега Аль-

біона, а у Г-на Герля онъ *поспѣшаетъ* въ Англію *туманную*. Откуда взялся *океанъ тумановъ*? Какимъ образомъ *корабль* Батюшкова превратился *въ барку* у Г. Герля? Откуда взялось *собраніе гальціонъ около барки*? За чѣмъ изъ одной гальціоны Батюшкова воображеніе Г-на Герля породило ихъ множество? У Батюшкова онѣ *плывутъ за кораблемъ*, а у Г-на Герля гальціоны дѣлаются *путеводителями барки*; и чѣмъ же ведутъ барку?—*Своими голосами*! Вотъ примѣръ галиматьи на ходуляхъ! вотъ вѣрный переводъ! Г-нъ Герль похожъ на того живописца, котораго кисть писала Фоку Сидоромъ, а Сидора Фокою.

Человѣкъ — карета; умъ — кучеръ; деньги и знакомства — лошади; чѣмъ болѣе лошадей, тѣмъ скорѣе и быстрѣе карета скачетъ въ гору.

Какъ прежде люди были просты: они знали только то, чему учились. Нынѣ ничему не учась, все знаютъ. (Черта характеристики XIX столѣтія).

99 Moutons et un Champenois font 100 bêtes, говорятъ добрые Французскіе остряки; удивительно, что у насъ не замѣтили еще разительнаго сходства между нѣкоторыми изъ нашихъ критиковъ-самозванцевъ и этими пастухами-Шампенуазцами.

Стыдить лжеца, смѣяться надъ дуракомъ, просить въ займы у скупца, усовѣщивать игрока, учить глупца Математикѣ, спорить съ женщиною — тоже, что черпать рѣшетомъ воду.

Иностранцы отказываютъ намъ въ нѣжности и чувствительности сердечной. Рускій, говорятъ многіе изъ нихъ, до самой свадьбы не видитъ своей жены; да ему и видѣть ее не нужно: дай ему кусокъ хлѣба, чарку вина, да теплую печь: такъ онъ со всякою женою поладитъ. Почтеннѣйшіе ошибаются: гдѣ болѣе чувствительности, какъ не у насъ?— Если вся наша стихотворная братія въ день напишетъ 1000 стихотвореній,

то вѣрно изъ нихъ 800 будетъ элегическихъ; гдѣ же, въ какомъ народѣ болѣе чувствительности?

Наши грамматики очень ошиблись, когда отнесли слова: доброта, нѣжность и снисходительность, къ женскому роду; а гнѣвъ, сумасшествіе и капризы — къ мужескому и среднему.

Нѣтъ худа безъ добра; въ слѣдствіе сего положенія и карточная игра будетъ полезна? спросилъ я въ большемъ обществѣ. — О! очень полезна, отвѣчалъ Бригадиръ Бѣдняковъ: она многихъ избавляетъ отъ труда дѣлать завѣщанія и платить пошлины.

Le style est tout homme. Загляните въ Англійскихъ поэтовъ: все сравниваютъ съ деньгами и богатствами; Италіянскіе видятъ вездѣ брильянты, изумруды; Испанскіе — солнце, луну и звѣзды; Французскіе—животныхъ, голубковъ, бабочекъ; а въ нашихъ поэтахъ — бури, вздохи, стоны, отвлеченности въ сравненіяхъ; что заключить объ этихъ Гераклитахъ?

Во всякой странѣ по своему изъясняются въ любви. Прошлаго года Парижскій модникъ показывалъ свою любовь барышнѣ, прикладывая ея руки къ своему уху: объясненіе довольно странное! Однакожъ Парижане въ этомъ случаѣ не превзошли Африканцевъ; тамъ изъясне-

ніе въ любви еще страннѣе. Молодая Африканка приноситъ своему суженому чистой воды; если онъ вымоетъ въ этой водѣ руки, то она съ восторгомъ выпиваетъ нечистую воду и это служитъ знакомъ взаимной любви. Каково-бы объясняться такимъ же образомъ брюзгливымъ Европейскимъ красавицамъ?

—⁂—

Дружба теперь уже не чувство, а поношенная маска, которую надѣваетъ хитрость, чтобы обмануть простоту или скрыться отъ проницательности.

—⁂—

De mortuis non nisi bene, золотое правило древнихъ! Не оно ли причиною

славы Гораціевъ и Квинтиліановъ? Жаль, весьма жаль, что у насъ оно не въ силѣ; сколько бы родилось тогда великихъ мужей, и лириковъ, и критиковъ; Пиндъ превратился бы въ толкучій рынокъ: туда-бы прошелъ и худенькій творецъ Эпической поэмы и полновѣсный переводчикъ обветшалыхъ Водевилей; сколько бы полишинелей попало въ Аполлонову свиту!

Всякая изъ нашихъ красавицъ хочетъ жить подольше, а ни одна не желаетъ быть старою: какъ согласовать сіи желанія? Какая была бы жестокая борьба внутренняго съ наружнымъ, если бы не было васъ, блаженныя румяна, и васъ, чудесныя фальшивыя пукли!

Время подобно непостоянной и капризной любовницѣ: чѣмъ болѣе за нею гоняешся, чѣмъ болѣе стараешся ее удержать, тѣмъ скорѣе она покидаетъ тебя, тѣмъ скорѣе измѣняетъ.

Дуракъ то же, что и старая красавица; его ученость — бѣлила, его начитанность — румяна, а умничанье — кокетство.

Опытный лоцманъ никогда не отправляется въ путешествіе, когда на морѣ буря; а искусный риѳмачь никогда не пустится на Пиндъ, когда море воображенія спокойно.

Приятель мой, Французъ П. П. весь-

ма легко разрѣшаетъ задачу Романтизма и Классицизма. Кто пишетъ безъ правилъ, и слѣдственно пишетъ чушь, тотъ и Романтикъ; кто же пишетъ по правиламъ Буало, утвержденнымъ вѣками, тотъ всегда пишетъ изящно, тотъ и Классикъ. Читателей онъ также дѣлилъ на два разряда: кто судитъ о твореніяхъ по собственнымъ чувствамъ и по впечатлѣніямъ, получаемымъ при чтеніи, тотъ всегда ошибается и слѣдственно Романтикъ; кто же судитъ и чувствуетъ по непреложнымъ законамъ Батте, тотъ никогда не заблуждается, слѣдственно тотъ Классикъ. Добрый П. П! ты былъ знаменитый Романтикъ, по твоему опредѣленію.

—⁂—

Сколько любовь приятнѣе женитьбы, столько романъ занимательнѣе исторіи.

Обида такая пилюля, которую не всякій съ покойнымъ лицемъ проглотить можетъ; нѣкоторые глотаютъ, разжевавъ напередъ; тутъ пилюля еще горьче.

Я гдѣ-то читалъ, что Баронъ Голбарихъ такъ опредѣляетъ комедію и трагедію: цѣль комедіи есть женитьба, а трагедіи — убійство; вся интрига основана на томъ, будетъ ли свадьба и будетъ ли убійство? Будетъ свадьба, будетъ убійство: вотъ первый актъ. Никто не женится, никто не умретъ:

вотъ вторый. Какъ бы женить, какъ бы убить: вотъ что занимаетъ всѣхъ въ третьемъ. Неожиданный случай, останавливающій женитьбу и убійство, наполняетъ весь четвертый; наконецъ въ пятомъ Авторъ женитъ и убиваетъ, кого ему заблагоразсудится. Vive les théories!

—⁂—

Нѣкто очень хорошо замѣтилъ, что тотъ самый пустый человѣкъ, кто наполненъ собою.

—⁂—

Есть престранные люди, которые поступаютъ съ друзьями какъ съ платьемъ: до тѣхъ поръ употребляютъ, пока износится, а тамъ и кинутъ.

—⁂—

Почему Французы не терпятъ Романизма? — Потому что *не во время гость хуже Татарина.*

—⁂—

Рѣка поворачиваетъ въ сторону, когда встрѣчаетъ возвышенности; такъ и фортуна поворачиваетъ въ сторону, когда на дорогѣ встрѣчаетъ людей съ благородными мыслями и возвышенными чувствами.

—⁂—

Прошлаго года издатель Франкфуртскаго дамскаго журнала провозгласилъ: Il est peu d'ouvrages écrits dans la langue russe que l'on puisse comparer, sous le rapport de l'harmonie et de l'élégance, aux productions sorties de la plume féconde de Soumarocow Эхъ, Гнъ Изда-

тель! видно васъ не заставляли учить наизусть тирадъ изъ Сумарокова въ наказаніе, какъ дѣлывали съ нами грѣшными? Тогда бы иначе заговорили вы о гармоніи и изяществѣ стиховъ Сумарокова!

Какъ бы ловко ни былъ сшитъ плащъ тщеславія, онъ никогда не прикрываетъ совершенно ничтожности.

Херасковъ заимствовалъ у Вольтера, Вольтеръ у Виргилія, Виргилій у Гомера; кѣмъ пользовался Гомеръ? — Жаль, что тогда не было книгопечатанія!

Нѣтъ чудесъ въ наше время, говорятъ нѣкоторые: но они весьма ошибаются.

Наша знаменитая Эльвира — чудо изъ чудесъ! она съ трудомъ говоритъ по Руски, съ трудомъ можетъ написать записочку своему прикащику о присылкѣ денегъ изъ деревни; но вдругъ — написала *Рускіе стихи.* Вотъ чудо въ Поэзіи. — Крючковъ, никогда ничего не читавшій, ничему не учившійся и видѣвшій только Памятникъ изъ Законовъ Правикова, поправляетъ расположеніе Юстиніанова кодекса: вотъ другое чудо! Бралкинъ занимаетъ мѣсто Вице-Губернатора — и ничего до сихъ поръ не имѣетъ: вотъ третье чудо . . . и сколько еще другихъ чудесъ!

—⁂—

Женщины злы, кричитъ угрюмый философъ; женщины несносны, ворчитъ лег-

комысленный юноша; женщины скупы, говоритъ молодый расточитель; женщины не вѣрны, твердитъ старый мужъ... Только одни пылкіе, еще не разочарованные любовники увѣряютъ, что женщины сотворены для нашего утѣшенія. Кто въ заблужденіи?

У всякаго свой конекъ; иные прельщаются эполетами и золотыми висюльками; другіе — плюмажемъ на шляпѣ; третьи — серебряными пуговицами на зеленомъ вицъ-мундирѣ. Нѣкоторые восхищаются благосклонною улыбкою барышни; иные снисходительнымъ взоромъ замужней: послѣдніе глупѣе первыхъ.

N. N.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПѢСНЬ

Лорда Рональда, вождя Шотландскаго.

Въ объятіяхъ младенческаго сна
Ты почивай, о мой питомецъ нѣжный;
Пусть дней твоихъ прекрасная весна,
Какъ ручеекъ, катится безмятежно.

Родитель твой Шотландіи свободу
Не разъ своею кровью искупалъ.
Какъ древній дубъ, сраженный въ непогоду,
Онъ посреди враговъ отчизны палъ.

Покойно спи, младенецъ мой невинный,
Покойно спи, до утреннихъ лучей;

Твой легкій сонъ, твой сонъ столь перерывный,
Стрежется тысячью мечей.

Пройдетъ пора безпечныхъ наслажденій!
И, промѣнявъ на латы пелены,
Ты полетишь забыть въ пылу сраженій
Невинные, младенческіе сны! —

Изъ В. Скотта Ю.

СОНЪ ЛЮБВИ.

Въ хаосъ невидимый временъ
Пусть быстро мчатся дни за днями;
Но ты, любви прелестный сонъ,
Ты вѣчно будешь предъ глазами!
Я вижу, вкругъ меня парятъ
Минувшихъ лѣтъ мечты златыя
И мнѣ съ улыбкой говорятъ:
«Промчались дни твои младые,
Прошла пора любви твоей,
Прошла и съ нею вмѣстѣ сладость
Безпечныхъ, юныхъ, райскихъ дней
И измѣнила рано младость! —
Взгляни, гдѣ пылъ твоихъ ланитъ?
Поблекъ, какъ цвѣтъ скошенный въ полѣ; —
И быстрыхъ глазъ привѣтный видъ
Не внятенъ нѣжнымъ дѣвамъ болѣ.»

Но сонъ любви недавныхъ дней,
Онъ живъ! Онъ ясенъ предо мною!
Онъ чуждъ забвенія цѣпей
Въ душѣ, исполненной тоскою!
Нѣтъ! образъ Лилы, ты всегда
Пребудешь свѣтелъ предъ очами,
Такъ, какъ вечерняя звѣзда
Своими яркими огнями!

В. Григорьевъ.

Отрывокъ изъ трагедіи Шиллера:

МАРІЯ СТУАРТЪ.

ЕЛИСАВЕТА со свитою. *МАРІЯ.*

ЕЛИСАВЕТА (*вступая въ садъ темницы, къ одному изъ Лордовъ*).

Отправь впередъ охоту нашу въ Лондонъ!
По улицамъ вездѣ народъ тѣснится,
Здѣсь мы найдемъ защиту въ тихомъ паркѣ.

(*Свита удаляется. Она смотритъ на Марію и между тѣмъ продолжаетъ*).

Какъ любитъ мой народъ меня! безмѣренъ
При мнѣ восторгъ его благоговѣйный!
Такъ божество, не человѣка чтутъ!

МАРІЯ.

(Которая въ сіе время, обезсиленная, стояла склонясь на кормилицу, приподнимается, и глаза ея встрѣчаютъ напряженный взоръ Елисаветы, внезапный трепетъ объемлетъ ее и она снова бросается на грудь кормилицы).

О Боже! въ сихъ чертахъ не дышетъ чувство!

ЕЛИСАВЕТА.

Кто эта Леди? (*общее молчаніе*) Какъ, Милорды, это-ль
Сраженная несчастіемъ, о коей
Я слышала? Я нахожу надменность,
Нимало не смягченную печалью.

МАРІЯ.

(Ея тѣлодвиженія показываютъ сильную борьбу чувствъ).

Такъ, я смирюсь предъ нею! Удались,
Безсильная души высокой гордость!
Забуду я: кто я, что претерпѣла,
И передъ той — которая покрыла
Меня стыдомъ — колѣна преклоню!

(Къ Королевѣ)

Тебѣ, сестра, опредѣлило Небо
Щастливую главу вѣнчать побѣдой
Смиряюсь предъ Возвысившимъ тебя!
Но будь, сестра, и ты великодушна:
Не оставляй меня въ позорѣ, руку
Простри ко мнѣ и, право Королевы
Мнѣ возвративъ, возвысь меня въ паденьи!

ЕЛИСАВЕТА. (*отступая*)

Ты на своемъ, Леди Марія, мѣстѣ!
Благодарю Творца святую милость!
Онъ не судилъ, чтобъ я къ твоимъ ногамъ
Поверглася, какъ ты теперь къ моимъ!

МАРІЯ.

Помысли — все земное не надежно!
Есть божества, гроза высокомѣрнымъ!
Возтрепещи, почти Ужасныхъ, кои
Низринула меня передъ тобою!
Для чуждыхъ мнѣ свидѣтелей уважь
Во мнѣ себя самую! не безчести
Кровь Тудора; — у насъ обѣихъ въ жилахъ
Она течетъ! — О, Боже Всемогущій!
Не будь такъ не доступенъ, какъ утесъ,
Гдѣ тщетно силится, борясь съ пучиной,
Пристанище найти судокрушенный!
Такъ, все мое: судьба и жизнь, зависитъ
Отъ словъ и слезъ моихъ: освободи
Мнѣ сердце — и онѣ тебя подвигнутъ!

Едва твой взоръ холодный встрѣчу я:
Содрогнется душа, оледенѣетъ
Источникъ слезъ, и ужасъ окуетъ
Въ груди моей готовыя моленья!

ЕЛИСАВЕТА. (*холодно и строго*)

Что ты сказать хотѣла мнѣ, Милади,
Желая говорить со мной? Забыла
Я оскорбленной Королевы долгъ,
Чтобъ долгъ сестры исполнить, и моимъ
Присутствіемъ тебѣ принесть отраду;
Но слѣдуя порыву состраданья,
Подвергла я достойнымъ укоризнамъ
Смиреніе мое — тебѣ извѣстно,
Что ты меня хотѣла умертвить.

МАРІЯ.

Съ чего начать мнѣ? Какъ разположить
Безсильныя слова, чтобъ этимъ сердцемъ
Мнѣ овладѣть, не оскорбивъ его?
О, Боже! дай мнѣ силу рѣчи, вырвавъ

Изъ устъ моихъ язвительное жало!
Но что скажу я о себѣ, жестоко
Не обвинивъ тебя противу воли?
Ты на меня возстала не по праву!
Какъ ты, я Королева и меня
Какъ плѣнницу ты удержала; я
Пришла къ тебѣ просительницей, ты же
Святый законъ гостеприимства, право
Народное нарушила во мнѣ:
Въ стѣнахъ тюрьмы меня ты заключила,
Служителей, друзей меня лишила,
Оставила презрительной нуждѣ,
Ввела меня въ судилище позора....
Но — вѣчному забвенью предаю
Все то, что я жестоко претерпѣла!
— Смотри! я все судьбою называла;
Невинна ты, и я невинна также:
Злый духъ возсталъ изъ мрачной глубины,
Чтобъ ненависть разлить въ сердцахъ сестеръ,
Враждующихъ отъ колыбели. Съ нами
Она росла, и люди раздували

Дыханіемъ губительное пламя;
Безумные ревнители вложили
Кинжалъ и мечь въ незваную десницу.
Ужасенъ жребій Королей: они,
Враждуя, міръ враждою раздираютъ
И фурій гибели освобождаютъ!
— Нѣтъ болѣе межъ нами чуждыхъ устъ
И сами мы другъ другу предстоимъ.
Теперь, сестра, ты говори! Скажи
Вину мою, я дамъ тебѣ отвѣтъ.
Ахъ, для чего ты не вняла мнѣ прежде,
Когда я такъ очей твоихъ искала!
До этаго тогда бы не дошло —
И не имѣть на семъ печальномъ мѣстѣ
Тогда бы намъ нещастной этой встрѣчи!

ЕЛИСАВЕТА.

Моя звѣзда меня предохраняла
Не прижимать къ груди змѣю. Не жребій —
Вина твое испорченное сердце
И необузданно-честолюбивый домъ твой!

Насъ не враги поссорили; но пастырь
Самовластительный; твой гордый дядя,
Котораго рука на всѣ короны
Простерлася, мнѣ объявивъ войну,
Прельстилъ тебя принять мой гербъ, присвоить
Себѣ мой Королевскій титулъ, и
На жизнь и смерть въ борьбу идти со мною.
Противъ меня кого онъ не возставилъ?
Языкъ священниковъ и мечь народный,
Орудіе безумцевъ суевѣрныхъ,
И даже здѣсь, въ семъ мирномъ уголкѣ,
Онъ раздувалъ ужасный пламень бунта.
Но за меня Всесильный: гордый Пастырь
Не выдержалъ борьбы! Моей главѣ
Ударъ грозилъ, но упадетъ твоя!

МАРІЯ.

Въ рукѣ Творца мой жребій! Столь кроваво
Не сохранишь ты власть твою!

ЕЛИСАВЕТА.

Но что же
Мнѣ воспрепятствуетъ? Твой дядя далъ
Всѣмъ Королямъ примѣръ, какъ заключать
Миръ со врагомъ своимъ; и такъ да будетъ
Моимъ урокомъ ночь Варфоломея!
Что мнѣ родство, народныя права?
Всѣхъ должностей оковы рушитъ церковь!
Я говорю, какъ говоритъ твой пастырь..
Какій залогъ дадутъ мнѣ, если я
Сниму съ тебя великодушно узы?
Одинъ замо́къ мнѣ за тебя порука
И ключь Петра его не отопретъ! —
То власть—она одна лишь безопасна!
Союза нѣтъ съ изчадіемъ змѣинымъ!

МАРІЯ.

О, какъ ужасно это подозрѣнье!
Ты на меня, какъ на врага, смотрѣла,
Всегда меня чуждалась. Еслибъ ты
Наслѣдницей своей меня признала —

Въ младенчествѣ моемъ ты сохранилабъ
Во мнѣ къ себѣ любовь и благодарность
Подруги и сестры!

ЕЛИСАВЕТА.

Миледи, дружба
Твоя одно притворство! Домъ твой Папство!
Твой братъ чернецъ! и мнѣ тебя признать
Наслѣдницей! Предательская сѣть!
Чтобъ ты при мнѣ народъ мой ослѣпила;
Чтобъ, хитрая Армида, ты лукаво
Опутала всѣхъ юношей Британскихъ
Твоей любви сѣтями; и къ себѣ,
Какъ къ новому свѣтилу, обратила
Всѣ взоры.

МАРІЯ.

Царствуй съ миромъ! отрекаюсь
Отъ правъ моихъ на это Королевство;
Величіе не льститъ мнѣ — ты достигла
Его, я только тѣнь Маріи прежней!

Одной души высокой не довольно
Среди цѣпей! Ты, что могла, свершила:
Разрушила меня во цвѣтѣ жизни!
Оканчивай, сестра, произнеси
То слово, для котораго ты здѣсь!
Не смѣю думать я, чтобъ ты сюда
Шла издѣваться надъ твоею жертвой.
Произнеси то слово и скажи мнѣ:
Свободна ты, Марія, ты узнала
Всю власть мою, узнай и благородство
Мое теперь; скажи мнѣ то—и я
Какъ даръ приму изъ рукъ твоихъ свободу!
— Все бывшее творитъ небывшимъ слово;
Я жду его, — не медли исполненьемъ!
И трепещи, когда ты этимъ словомъ
Не довершишь, когда не божествомъ
Торжественно разстанешься со мною!
Сестра, сестра! не сей богатый островъ,
Не области, вкругъ коихъ море блещетъ,
Съ тобой меня достоинствомъ равняютъ!

ЕЛИСАВЕТА.

Побѣждена ль ты наконецъ, Марія?
Окончила ль твои коварства? Нѣтъ ли
Съ тобой убійцъ? Иль ни одинъ бродяга
Не смѣетъ быть ужь рыцаремъ Маріи?
— Такъ, кончилось, Миледи! Не заманишь
Ты никого въ открытый ковъ. Свѣтъ занятъ
Другимъ, никто не хочетъ быть четвертымъ
Супругомъ! Ты съ мужьями умертвила
И жениховъ твоихъ.

МАРІЯ. (*отступая*)

Сестра! Сестра!
О Боже! Боже, укрѣпи меня!

ЕЛИСАВЕТА. (*долго смотритъ на нее съ гордымъ презрѣніемъ*)

Такъ, ни одинъ мущина не смотрѣлъ
На прелести сіи безъ наказанья,

И ни одна красавица не смѣла
Равняться съ ней! Клянусь, не трудно было
Прославиться!

МАРІЯ.

О, это слишкомъ много!

ЕЛИСАВЕТА. (*презрительно смѣется*)

Ты приняла твой настоящій образъ,
Доселѣ онъ скрывался подъ личиной!

МАРІЯ.

(*Пылая гнѣвомъ, но съ чувствомъ благороднаго достоинства*).

Я человѣчески, я дѣтски обманулась;
Меня плѣнила власть: но не скрывала
Я этаго; душей открытой, Царской
Гнушалась я личинъ; одно дурное
Свѣтъ обо мнѣ узналъ и я предъ Богомъ
Скажу, что я молвы моей достойнѣй.

Но трепещи, когда дѣла твои
Скрываешь ты порфирою, и пламя
Ужасное—спокойствіемъ наружнымъ!
Не кротость матерью тебѣ дана!
Всѣ знаютъ, за какую добродѣтель
На эшафотъ вступила Анна Булень.

ОДИНЪ ИЗЪ ЛОРДОВЪ (*становясь между обѣимц Королевами*).

О Боже! что отсюда выйдетъ? Леди
Марія, это ли покорность ваша?
И это ли терпѣніе?

МАРІЯ.

Я все,
Все вынесла, что смертный вынесть можетъ;
Прочь отъ меня, смиреніе души!
На небеса терпѣніе-страдалецъ!
Ты, ненависть, разторгни узы мрака;
Оставь, оставь ужасный твой вертепъ,

И ты, ты гибелью не избѣжимой
Вооруживщій взоры василиска,
Вооружи стрѣлою ядовитой
И мой языкъ.

ЛОРДЪ.

Она себя не помнитъ:
Простите раздраженной.

(Елисавета, безмольная отъ гнѣва, бросаетъ на Марію свирѣпые взгляды).

ЛОРДЪ ЛЕЙЧЕСТЕРЪ.

Не внимайте
Свирѣпой, не внимайте ей, бѣгите
Прочь отъ сего несчастнѣйшаго мѣста.

МАРІЯ.

Тронъ Англіи униженъ, опозоренъ
Елисаветой! Добрые Британцы

Ослѣплены обманщицей лукавой;
Дай силу мнѣ — и ты передо мною
Повержена во прахъ — Я Королева!

(*Елисавета поспѣшно уходитъ. Лорды слѣдуютъ за нею въ величайшемъ смущеніи*).

К.

ПРОЩАНІЕ

МОЛОДАГО ПОЭТА СЪ ЖИЗНІЮ

Послѣдній былъ зарѣ прощальный мой привѣтъ;
Въ послѣдній разъ блисталъ мнѣ солнца лучь отрадный;
Когдаже онъ прольетъ на холмы новой свѣтъ
Я не узрю сей свѣтъ желанный.
Уже чело мое объемлетъ смерти хладъ!
Цвѣтъ жизни молодой, примѣтно угасаешь —
Умру—и ты въ красѣ увянешь,
Минувшихъ думъ моихъ свидѣтель, скромный садъ.
Ахъ! если бъ лютни звукъ послѣдній, погребальный
Могъ времени полетъ губительный продлить;

Когда бы славы лучь низшелъ сквозь мракъ печальный
Передъ кончиною страдальца озарить!
Но изнемогшихъ чувствъ не воскресить мечтами. . . .
Могилы вижу мракъ, сонъ вѣчный недалекъ.
Умру—не возгоритъ безсмертія лучами
Мой улыбнувшійся востокъ.
Прости, отечество, страна побѣдъ—Россія,
Земля священная: ты мой сокроешь прахъ.
Бесѣды шумныя и други молодые,
Простите! Гаснетъ огнь въ слабѣющихъ очахъ.
Когда жь осенній вихрь, нося опустошенье,
Природу умертвитъ холодною рукой:
Тогда, друзья! въ часы сердечнаго волненья,
Почтите дружбы прахъ горячею слезой;
Онъ сердцу близокъ былъ, сей видъ опустошенный,
И въ душу проникалъ протяжный вѣтра свистъ.

Я въ мірѣ одинокъ, какъ бурей занесенный
Въ пустыню пожелтѣлый листъ!
Изчезло все, — уже знакомой красотою
Цвѣтъ, первенецъ весны, очей не привлечетъ,
Не буду говорить съ привѣтливой луною
И надо мной звѣзда веселья не взойдетъ;
Какъ часто я дерзалъ, вечернее свѣтило,
О таинствахъ твоихъ безумно вопрошать;
Казалось, съ высоты мнѣ лучи вѣщалъ унылый:
Мечтатель суетный! Тебѣ ли проникать
Великаго Творца въ премудрыя творенья?
Прости теперь, луна, и солнце, и весь міръ;
Дыханье смерти мчитъ ко мнѣ уже зефиръ,
Мои въ послѣдній разъ раздались пѣснопѣнья.

Н. Степ — овъ.

ЭЛЕГІЯ.

Мечты златыя сновъ бывалыхъ,
За чѣмъ явились вы опять?
Чувствъ сердца пылкихъ, но усталыхъ
Огнемъ незримымъ распалять
Теперь нельзя въ груди знакомой;
Непроницаемой броней
Самъ опытъ, щастіемъ ведомый,
Со дня разлуки роковой
Ее одѣялъ. И желанья
Съ тѣхъ поръ сокрылись отъ меня;
Порой лишь смутныя воззванья,
Какъ искры бѣглаго огня,
Блеснутъ — и снова изчезаютъ;
И я покой вкушаю вновь:
И мысли снова улетаютъ
На Сѣверъ. . . . скрылась гдѣ любовь.

Увы! и я сей жизни радость
Вкушалъ вполнѣ: но щастье дней
Прошло, — и вянетъ моя младость,
Какъ цвѣтъ пустынный средь полей.

В. Григорьевъ.

ЛИСТОКЪ ИЗЪ МОЕГО ЖУРНАЛА.

Далеко ли до Кіева? спросилъ я почтаря.—Да еще будешъ верстъ двѣнадцать, отвѣчалъ онъ; но эти двѣнадцать стоятъ добрыхъ двадцати.— И въ самомъ дѣлѣ дорога была такъ песчана, что колесо вязло по ступицу и песокъ сыпался съ него, какъ вода съ мельничнаго колеса. Напрасно понуждалъ я угрозами и ласками ѣхать скорѣе; бѣдныя животныя едва передвигали ноги. Въ другомъ случаѣ я, можетъ быть, пожалѣлъ бы ихъ; но важныя дѣла торопили меня. Къ тому жъ со мною было 10ть тыс.

рублей для доставленія одной дальней родственницѣ на приданое, по порученію добрыхъ людей; и всякій знаетъ, что съ деньгами (особенно чужими), нельзя быть спокойнымъ посреди Кіевскаго лѣса, въ глухую полночь. — Да чего бояться, сказалъ мой трусливый оруженосецъ, — здѣсь давно все утихло; а что было въ этомъ лѣсу лѣтъ за шесть, сохрани Господи! — денный грабежъ. Еще и теперь морозъ подираетъ меня по кожѣ, какъ вспомню я одну исторію, которую разсказывала моя старая тетка. Она была человѣкъ набожный: когда родился азъ грѣшный, то пошла по обѣщанію въ Кіевъ помолиться святымъ угодникамъ Антонію и Ѳеодосію Печерскимъ. Покойница очень меня любила,

царство ей небесное! — сказалъ мой дубовый Санхо и отеръ самую желѣзную слезу, какъ говоритъ Шакспиръ.

— А давно-ли это было?

— Да ужь лѣтъ по больше пяти. Тогда мы были еще графскіе и жили очень плохо; господинъ нашъ уѣхалъ за границу, а безсовѣстные управители грабили насъ какъ хотѣли. Но послушайте, что случилось съ моею теткою. Вышедши изъ Броваровъ послѣ обѣда, она думала придти въ Кіевъ еще засвѣтло. Но было уже очень темно, когда она едва достигла половины лѣса. Твердо надѣясь на помощь Божію, легла моя тетка перекрестясь подъ дерево; но едва успѣла свести глаза, какъ что-то блеснуло; смотритъ: передъ нею сто-

ятъ полдюжины здоровыхъ вооруженныхъ ребятъ. Одинъ изъ нихъ держалъ фонарь, а всѣ пристально смотрѣли на старуху.— « Вотъ принесъ нечистый эту вѣдьму. »— Вѣрно это Кіевская вѣдьма, подхватилъ другій.—« Перерѣзать ей поскорѣе горло, сказалъ третій: она все увидитъ и разскажетъ въ городѣ, гдѣ ни одна живая душа не знаетъ, что у насъ здѣсь притонъ.»—Они вѣрно бы исполнили этотъ нечестивый совѣтъ, но вдругъ послышалось ржаніе коней и крикъ почтарей, понуждавшихъ бѣжать по песку усталыхъ животныхъ. Бросивъ чуть живую мою тетку, они остановили и окружили богатую карету. Въ одну минуту постромки были обрѣзаны, а пули ссадили кучера и лакея съ

высокихъ козелъ. Господинъ кареты выстрѣлилъ изъ пистолета по бездѣльникамъ; но карабинъ одного изъ нихъ отправилъ старика къ отцамъ. Другимъ слугамъ перерѣзали горла, и кровь нещастныхъ струилась по бѣлому Кіевскому песку. . . . Только одна уцѣлѣла: то была молодая дѣвушка, которую воры, безчувственную бережно вынули изъ кареты, и съ нею помчались въ лѣсъ какъ робкіе волки. . . .

Но я не слышалъ конца этой повѣсти, которая могла бы служить прекраснымъ эпизодомъ для какого нибудь романа съ восточною или западною башнею; словоохотный слуга мой долго еще тру-

бадурствовалъ во мракѣ ночномъ, когда я спалъ уже сномъ богатырскимъ.

. . . . Стой! закричалъ грубый голосъ и коляска остановилась; я пробудился; рука моя невольно упала на пистолеты, а слуга въ полголоса спросилъ у остановившихъ, что имъ нужно? Денегъ! отвѣчало вдругъ нѣсколько голосовъ: скорѣе денегъ!— У меня есть для васъ свинцовые деньги, сказалъ я, и мои двуствольные повалили на песокъ трехъ дерзкихъ. Бейте безъ пощады всѣхъ, закричалъ грубый голосъ, и пули съ свистомъ полетѣли на насъ, и выстрѣлы, вторимые лѣсомъ, гремѣли въ ночной тиши.— Бейте всѣхъ, закричалъ въ другій разъ злодѣй,—и изрубленные слуги мои уже лежали на пескѣ. Налетѣли какъ

градъ на ниву — сошлись, рука съ рукой, сабля съ саблей—и вотъ моя разлетѣлась какъ стеклянная. --- Нѣтъ пощады, закричалъ разбойникъ— и я упалъ на песокъ съ разрубленною головою.

Опомнился. . . . полумертвый лежалъ я у огня; кровь перестала течь изъ головы, запеклась на лицѣ, и слиплые глаза едва видѣли, какъ воры и убійцы сидѣли въ двухъ шагахъ отъ меня. Они пили и веселились, какъ послѣ добраго дѣла; далеко въ лѣсу раздавался ихъ хохотъ. Угрюмый атаманъ сидѣлъ поодаль; на колѣняхъ у него лежала моя шкатулка, и при свѣтѣ огня онъ считалъ приданое бѣдной дѣвушки. Жажда сожигала мою внутренность; но скованный языкъ не могъ произнести ни одного

слова.— « Добыча славная, сказалъ одинъ изъ злодѣевъ; но что́ намъ дѣлать съ этимъ удальцомъ? Отпустить его не льзя.»—Онъ скоро умретъ, сказалъ другій; атаманъ разрубилъ ему голову по поламъ.—Кстати разрубить ему и горло, подхватилъ третій.— Бросьте его въ Днѣпръ, молвилъ атаманъ, такъ и концы въ воду! — И двое дюжихъ проворно вскочили и быстро помчались со мною.— Лѣсъ рѣдѣлъ; рѣка шумѣла не вдалекѣ.— Прибѣжали къ крутому берегу, раскачали—бухъ!— « Туда ему и дорога! » . . . холодно. . . . . но тутъ я проснулся. Опомнился . . . . лежу на пескѣ, мокромъ отъ ночнаго дождя.— Ось сломалась у моей коляски. Смотрю: шкатулка цѣла, пистолеты на мѣстѣ;— все былъ одинъ

только сонъ.—И между тѣмъ, какъ люди мои хлопотали у экипажа, я отъ чистаго сердца радовался и смѣялся, что это былъ одинъ сонъ....

Ю.

ДВА ОТРЫВКА ИЗЪ ПОВѢСТИ:

Взятіе Азова.

Посвящено Н. Н. К — у.

Какъ у насъ-то на Дону, во Черкаскомъ городу,
Старики-то пьютъ, гуляютъ, по бесѣдушкамъ сидятъ,
По бесѣдушкамъ сидятъ, про Азовъ вашъ говорятъ.

Волшебной силою мечты,
Любовью къ предкамъ окрыленный,
Въ вѣкахъ промчавшихся, священны
Искалъ былаго я слѣды;
И мысли-странницы блуждали
Въ сей мрачной пропасти вѣковъ,

Какъ челнъ—игралище валовъ
Съ пловцами ; — алчныя искали
Въ сей безднѣ времени цвѣтовъ.
Изъ нихъ прекраснѣе роднаго
И нѣтъ , и не было цвѣтка ,
И мысль моя издалека
Не принесла вамъ въ даръ чужаго.

Прекрасное воспоминанье
О нашихъ дѣдахъ и отцахъ
Воспламеняетъ кровь въ сердцахъ....
Вотъ вамъ одно про нихъ сказанье: —
На этихъ самыхъ берегахъ ,
Гдѣ наши мирныя станицы
Теперь цвѣтутъ , — вольны , какъ птицы ,
Иль вѣтръ пустынный въ небесахъ ,
Стекались люди. — Духъ суровый ;
Сердца , привыкшія къ войнѣ ;
Всегда къ опасностямъ готовы ;
Въ своей иль чуждой сторонѣ
Погибнуть , родину спасая ,

Была ихъ цѣль, былъ ихъ законъ
Обширны степи протекая,
Поилъ ихъ нашъ родимый Донъ;
Кормили слабые сосѣды:
Сберется шайка козаковъ,
Идетъ безстрашно на Азовъ —
Не на погибель, — на побѣды;
И злато, жемчуги, кораллъ,
Ковры восточные и ткани
Татаринъ буйный оставлялъ
Врагамъ своимъ трофеемъ брани.
Любовь была для нихъ чужда; —
Сей неба пламенникъ священный,
Самой природой воспаленный,
Стремились въ битвѣ угасить,
Они стыдилися любить;
И на брегахъ роднаго Дона
Не вѣдали, что есть любовь,
Ея младенческаго стона.....
У рѣдкихъ волновалась кровь

При взглядѣ дѣвъ, ихъ трепетаньи,
Ихъ сердца нѣжнаго страданьи,
Въ толпѣ подругъ, на единѣ
О прежнихъ радостяхъ мечтая;
И лили слезы, вспоминая
О ихъ прекрасной сторонѣ: —
Тамъ ихъ святые минареты,
Гдѣ ихъ младенчества обѣты
Внималъ Пророкъ и Самъ Творецъ.....
И все, что на землѣ святое:
Подруги, братья, мать, отецъ,
Надежды въ юношѣ - героѣ.....

И этихъ вольныхъ дикарей,
О коихъ славы громки звуки
Не донеслись до нашихъ дней,
Мы — возродившіеся внуки;
Они въ пустынныхъ городкахъ,
Когда сакмъ [1] новыхъ не искали,
Не рѣдко въ пѣсняхъ вспоминали,
Объ атаманахъ-молодцахъ. —

И въ эти дни на рундукахъ
Сбираясь, дѣвы пѣсни пѣли,
И съ страстнымъ пламенемъ въ очахъ,
На храбрыхъ юношей глядѣли;
Старушки, свой составя кругъ,
Языкомъ чуждымъ говорили [2],
И медъ ясырки [3] обносили
Въ Татарской ендовѣ вокругъ.
И старцевъ вновь проснулся духъ.....
Ихъ кругъ обширенъ, веселъ, тѣсенъ;
Они напрягли жадный слухъ,
Ихъ сердце жаждетъ новыхъ пѣсенъ....
И вотъ въ собранье стариковъ
Съ гитарой юноша вступаетъ, —
Онъ въ битвѣ храбръ противъ враговъ,
И былью слухъ ихъ услаждаетъ:

V.

У Сулеймана дочь младая,
Какъ Кашемира вешній цвѣтъ;
Она, домъ отчій озаряя,
Была отрадой позднихъ-лѣтъ
И утѣшеньемъ Сулеймана.
Невольный чтитель Алкорана,
Она въ младенческой душѣ
Любви не знала — всѣ подруги
Такъ говорили — но Пашѣ
Она обѣщана въ супруги....
Свершится горестный обѣтъ!
Паша Азовскій отъ Акбара
Принялъ и помощь и совѣтъ,
Для отраженія удара
Непримиримыхъ козаковъ,
Вновь осаждающихъ Азовъ.
Потомка злобныхъ поколѣній,
Акбара чтитъ одинъ злодѣй:

Онъ много истребилъ селеній,
Убилъ сестру, ея дѣтей,
И жаждетъ новыхъ разрушеній.

VI.

Но вотъ ужъ Зелика одна
Въ своей обители съ подругой;
Какъ жемчугъ Индіи блѣдна,
Жалка, какъ цвѣтъ пустынный юга,
Дыханьемъ сорванный грозы;
Она во всемъ отцу послушна:
Нѣтъ ни упрековъ, ни слезы;
Мысль о Акбарѣ не разлучна
Съ ужасной мыслію для ней:
О горестяхъ грядущихъ дней.
Чѣмъ гибель отвратить такую,
Безъ раздраженія отца?
Какъ взять одно иль два кольца
И не разрушить цѣпь златую!
Давно не радуютъ ее
И лютни сладостные звуки, —

Тоской окованные руки
Тоску изводятъ изъ нее.
Искалъ всѣмъ горестямъ забвенья
Ея невинный, гордый умъ,
Но тщетно: полный мрачныхъ думъ,
Съ судьбой онъ жаждетъ примиренья;
Все внятной рѣчью говоритъ,
Что щастье прежнее далеко;
Что сей безцѣнный даръ сокрытъ
Нещастій въ пропасти глубокой;
Что съ неба радости слетѣлъ
Ужъ Ангелъ чистыя надежды!.....
Но вдругъ полуоткрыты вѣжды
Приподняла и взоръ узрѣлъ
Намуну, — горестна, безгласна,
Она, какъ Зелика прекрасна,
Въ очахъ съ слезами, въ тишинѣ
Душой о Зеликѣ страдала;
Въ ея очахъ она читала
Всю мрачну будущность — и вотъ

Къ Намунѣ горестной идетъ:
«О, вѣчно милая подруга!
Ты прежде знала силу чаръ,
Намуна! ты свой дивный даръ
Открой для гибнущаго друга;
Изъ очарованныхъ цвѣтовъ
Сплети вѣнокъ благоуханный, —
Ты знаешь силу тайныхъ сновъ;
Въ нихъ покажи предметъ желанный.
Волшебной пѣснью призови,
Кого люблю и кѣмъ любима,
Съ кѣмъ сладостнѣй часы любви,
Намуна! — призови Селима;
Пойдемъ, пойдемъ въ роскошный садъ;
Не узритъ насъ взоръ Сулеймана,
При позднихъ звукахъ барабана
И мы воротимся назадъ.» —

VII.

Не медля въ темный коридоръ
Онѣ изъ комнаты выходятъ
И съ лѣстницъ на широкій дворъ;
Нигдѣ препятствій не находятъ.
Заря алѣла въ небесахъ,
Въ лице имъ вѣялъ вѣтеръ чистый,
Онъ, то покоился въ цвѣтахъ,
То разносилъ ихъ паръ душистый.

VIII.

Повѣрье есть у Мусульманъ,
Оно намъ странно, непонятно;
Но тотъ, кто вѣритъ въ Алкоранъ,
Тотъ говоритъ, что вѣроятно;
Что есть цвѣтокъ, который сонъ
Своимъ жилищемъ избираетъ,
И тѣмъ всегда отраденъ онъ,
Кто для себя его срываетъ.

Въ другомъ — мучительные сны....
Онъ духомъ тѣхъ овладѣваетъ,
Кто ихъ въ дни радостной весны
Рукой преступною срываетъ.
Еще есть цвѣтъ — въ немъ сонъ любви,
Какъ птичка въ гнѣздышкѣ, сокрылся;
Его безъ страха, дѣва, рви:
Онъ для тебя лишь распустился;
Онъ сердцу другъ, онъ скажетъ вамъ,
Кого красой своей плѣнили;
Напомнитъ пламеннымъ сердцамъ,
Кого всѣхъ пламеннѣй любили.
Изъ сихъ цвѣтовъ - то и вѣнокъ
Намуна Зеликѣ сплетала; —
Здѣсь розы молодой шипокъ,
Едва раскрывшій покрывало;
Ясминъ душистый, анемонъ
Съ лилеею — полей красою.....
Что сорвано ея рукою,
То все наводитъ кроткій сонъ.

Сіи-то тайны мать родная
Намунѣ лишь передала,
Въ мученьяхъ страшныхъ умерла,
И дочь волшебницы младая
Плететъ вѣнокъ и пѣснь поетъ,
Окрестность тихо оглашая,
Ту пѣсню вѣтеръ вдаль несетъ.

Ж — в

ПРИМѢЧАНІЯ.

1. Сакма — лошадиный слѣдъ на травѣ.
2. Въ то время было въ большой модѣ говорить по Татарски.
3. Плѣнныя Татарки и Турчанки, которыя почти всегда прислуживали у Козаковъ.

ОСАДА ЧИРАХА.

I.

Разъ на Кавказскихъ высотахъ,
Спустясь, Декабрска ночь лежала;
И въ сребровидныхъ облакахъ
Луна, какъ лебедь, выплывала;
Сѣдый туманъ съ ущелинъ скалъ
Громадой дымной возносился;
Ручей Хорлу едва струился,
Молчало все . . . Чирахъ молчалъ. . .
Какъ вдругъ въ нагорной вышинѣ,
Раздался стонъ и вопль невѣрныхъ,
И въ мигъ Лезгинцы на Чирахъ
Съ высотъ, какъ молнія, низпали;
Мечи отвсюду засверкали
И кровь забрызгала въ домахъ . . . .

II.

Насталъ часъ сѣчи роковой;
Какъ тать, летаетъ смерть насильства,
И дѣти воли и убійства
Ожесточенною толпой,
Въ пылу нѣмаго изступленья,
Повсюду вносятъ разрушенья
И козни звѣрства за собой.
Бѣжитъ охранная дружина,
Какъ стадо робкое овецъ;
Бѣжитъ. . . . но гибельный свинецъ
Разитъ ихъ въ тылъ! . . .

Межъ тѣмъ Щербина,
Послышавъ стоны и стрѣльбу
И звѣрскій крикъ коварныхъ Горцевъ,
Безстрашно ринулся въ толпу,
Сзывая храбрыхъ Анщеронцевъ!
Летятъ, сближаются на гласъ
Героя-юноши герои

И видятъ смерти близкій часъ.
Съ мечемъ въ рукахъ Лезгинцевъ строи,
Врубившись быстро въ минаретъ,
По грудамъ мертвыхъ тѣлъ стремятся,
И тамъ засѣвъ, даютъ обѣтъ
Святый: живыми не сдаваться!...

III.

Межъ тѣмъ повѣялъ вѣтерокъ
И скрылись грозной ночи мраки,
Сталъ янтарѣть младый востокъ,
И вскорѣ страшные призраки
Кровавой сѣчи озарилъ
Свѣтъ пробудившейся денницы,
И съ огневидной колесницы
Окрестность ярко озлатилъ.

IV.

Разбоя громъ, гроза покоя,
Кузукумыкскій ханъ Сурхай,

Съ толпами хищнаго разбоя,
Въ ночи облегъ Чирахскій край,
Облегъ . . . . и шумный отзывъ брани,
Какъ гулъ, отгрянулъ среди скалъ
И мечь убійства и закланій
Въ рукахъ коварства заблисталъ. . . .
Ужъ ночь и день прошли—и снова
Съ закатомъ розовой зари
На сводѣ неба голубова
Зажглися яркіе огни;
Но день и ночь стрѣлки Щербины
Хранили свой святый обѣтъ
И на враждебныя дружины
Метали огнь; и минаретъ,
Какъ исполинъ неодолимый,
Какъ неприступная скала,
Подъ знакомъ Рускаго орла
Стоялъ, отважностью хранимый. . . .

V.

И между тѣмъ другій герой,
Чтобы спасти жизнь осажденныхъ,
Летитъ погибельной грозой
Въ толпы Лезгинцевъ разъяренныхъ;
Ужь миновалъ глубокій ровъ
И валъ оставивъ за собою,
Узрѣлъ себя среди враговъ;
Но съ духомъ свойственнымъ герою
Разилъ. . . . какъ вдругъ знакомый гласъ
Щербины храбраго раздался:
« Назадъ, друзья! я здѣсь сражался,
« Я здѣсь паду въ урочный часъ,
« Назадъ! . . . еще настанетъ время
« Для вашей славы и побѣдъ,
« И крѣпостцы, какъ минаретъ,
« Узнаютъ власть того же бремя!
« Я здѣсь на смерть обрекъ себя;
« Но я паду, друзья, не даромъ;
« И врагъ неистовства ударомъ

« Взять жизнь не въ силахъ отъ меня!
« Я не умру, пока свинецъ
« И сила мышцъ не онѣмѣетъ;
« Кто защищать другихъ умѣетъ,
« Тому защита—Самъ Творецъ!
« Когдажъ въ туманѣ смертной тьмы
« И мечь въ рукѣ разить устанетъ;
« Мой хладный трупъ враги раздавятъ
« Съ сей неприступной вышины!....»

VI.

Онъ смолкъ!... но бѣдствій часъ насталъ:
Дверь башни силѣ уступила.
Блеснулъ убійственный кинжалъ
И смерть хоругвь свою развила;
Толпы Лезгинцевъ вторглись внутрь....
И нѣтъ охранныя дружины!...
Но не дерзнули посягнуть
Руки убійцъ на жизнь Щербины;

Еще судьба его блюла,
Еще хладъ смерти, хладъ могильной,
Отъ непреклоннаго чела
Мечь отклонялъ въ десницѣ сильной!

VII.

Два раза ночь смѣнялась днемъ,
Два раза сутокъ кругъ свершался;
Но минаретъ передъ врагомъ
Главой своей не преклонялся.
Вотще Лезгинцевъ хищный рой
Стремился въ верхъ ворваться силой;
Непобѣдимою рукой
Онъ бывъ хранимъ, былъ ихъ могилой;
Напрасно дерзкіе примѣръ
Собой другимъ подать желали,
Щербины мечь не онѣмѣлъ
И всѣ равно подъ онымъ пали!...

VIII.

Какъ въ бурю моря гулъ глухой,
Какъ грома ропотъ межъ скалами:
Такъ межъ нестройными толпами
Врага носился ропотъ злой. —
И самый Ханъ, хищенья полный,
Въ безплодной ярости своей,
Какъ тигръ полуденныхъ степей,
Алкалъ отмщенія невольный!
Но власть судебъ не изрекла
Героямъ пасть подъ ихъ мечами:
Еще незримыми крылами
Десница счастья ихъ блюла....
И съ свѣтомъ дня въ дали нагорной
Блеснули Рускіе штыки,
И Гребенскіе козаки
Спустились въ долъ.... и врагъ упорной
Бѣжитъ, — и пыли столпъ густой
Скрываетъ быстрое стремленье,

И вновь надъ полемъ истребленья
Съ закатомъ дня слетѣлъ покой !

IX.

Умолкнулъ гулъ орудій брани ,
Ослабли ратныхъ рамена ,
Оставилъ мечь ихъ мощны длани ,
Въ долинѣ битвы тишина.
Одни костры , дымясь , сверкаютъ
Вкругъ рати , дремлющей въ шатрахъ ;
Лишь часовые окликаютъ
Другъ друга , стоя на часахъ.
Почіетъ все , въ ночномъ молчаньи
Хорлу струи едва катитъ ,
Чуть слышно водъ его плесканье
И все окрестъ его молчитъ.

X.

По своду неба черны тучи
Промчались въ слѣдъ одна другой ,

Въ горахъ замолкнулъ вѣтръ ревущій,
Проглянулъ мѣсяцъ молодой,
Проглянулъ — и въ одно мгновенье
Чирахъ усталый осребрилъ,
И виды яраго сраженья
Въ долинѣ битвы озарилъ:
Тамъ воинъ кровью обагренный
Лежитъ, простершись, недвижимъ!
Здѣсь конь, недавнихъ силъ лишенный,
Поверженъ съ всадникомъ своимъ!
Тутъ панцырь, лукъ въ куски разбиты,
Близъ нихъ иззубренный булатъ;
Пригорки трупами покрыты; —
Всѣ жертвы смерти: старъ и младъ...
И стражъ свободы, дерзкихъ страхъ,
Сдавивши мечь въ могучей длани,
Съ конемъ своимъ — питомцемъ брани —
Лежитъ поверженный во прахъ!
И сынъ снѣговъ, сынъ Норда твердый,
Привыкшій къ стужѣ и трудамъ,

Противоставивъ мечь мечамъ,
Разилъ враговъ отваги полный....
Но вдругъ — ударъ...и смерти хладъ
Покрылъ чело и крѣпки члены,
И онѣмѣлъ въ рукѣ булатъ,
Враждебной кровью обагренный!....

XI.

Ужасенъ видъ почившихъ воевъ
Въ долинѣ битвы вѣчнымъ сномъ!
Ужь нѣтъ могучихъ, нѣтъ героевъ,
Не внятенъ имъ орудій громъ!
Они не будутъ въ бой кровавый
Вносить съ собою смерти страхъ;
Не будетъ больше врагъ лукавый
Мечи ихъ зрѣть въ своихъ рядахъ.
Ихъ нѣтъ!..они уже свершили
Судьбой назначенный предѣлъ,
И въ мірѣ лучшемъ получили
Себѣ достойнѣйшій удѣлъ!

В. Григорьевъ.

ПОХОДЪ КЪ АЗОВУ.

(Отрывокъ).

Туманы рѣдѣютъ; за дальней горой
Златая денница блистаетъ;
И вѣтеръ игривый, надъ сонной рѣкой
Летая, струи лобызаетъ.
О берегъ дробятся жемчужны струи
И мчатъ ужь готовы козачьи ладьи.

Лазурное небо сіяетъ красой,
Пространная нива желтѣетъ,
Бѣгутъ водопады съ вершины крутой,
Долина цвѣтами пестрѣетъ.
Какъ радость, прекрасенъ былъ день на поляхъ,
Когда пробудились козаки въ шатрахъ.

Окрестъ все утихло; и солнце плыветъ
По своду небесъ голубому;

Окончивъ моленье, изъ храма идетъ
Дружина по брегу крутому.
Мгновенно собрались въ ряды козаки
И ждутъ атамана на брегѣ рѣки.

«Вы, други, примчались по зыбкимъ волнамъ!
Желанье святое свершите!
(То будетъ угодно благимъ Небесамъ)
Свой храмъ отъ враговъ защитите!
Смѣются толпы иновѣрныхъ враговъ
Надъ прахомъ и вѣрою нашихъ отцовъ.

Да стѣны Азова предъ нами падутъ,
И силѣ нашъ врагъ покорится!
И въ городъ со славой козаки войдутъ —
Онъ вѣрой святой озарится!»
— Да будетъ, да будетъ!—изъ устъ козаковъ
Несетъ отголосокъ вдоль злачныхъ
бреговъ.

Спасемте, о други, божественный храмъ!
Спѣшите скорѣе на челны!

И быстро примчатъ насъ къ Азовскимъ стѣнамъ
Донскія лазурныя волны!
Отъ брега отчалены легки ладьи
И мчать ихъ готовы сребристы струи.

Ужь дрогнули весла и вѣтръ въ паруса
Сильнѣе прохладою дуетъ.
На брегѣ утихло; блестятъ небеса;
Рѣка въ берегахъ не бушуетъ.
Лишь гулъ раздается межъ дикихъ бреговъ —
То слышится пѣсня Донскихъ козаковъ.

I.

Други! веслами сильнѣй
Станемъ гресть волну Донскую!
И отважно средь зыбей
Грянемъ пѣсню боевую.

II.

Валъ бушуетъ въ берегахъ,
Чолны легкіе качаетъ;

Вѣтръ играя на водахъ
Рейный парусъ надуваетъ.

III.

Съ блескомъ солнечныхъ лучей
Мы подъ утреннимъ туманомъ,
Встрѣтимъ тысячу смертей
Съ грознымъ вихремъ - атаманомъ.

IV.

Тотъ лишь будетъ козакомъ,
Кто себя не пожалѣетъ,
Кто предъ дерзостнымъ врагомъ
Въ жаркой сѣчѣ не робѣетъ.

V.

Славно, други, средь мечей
Пасть за родину святую!
Дуетъ вѣтръ! — сильнѣй, сильнѣй
Станемъ гресть волну Донскую!

Ж.

КУЗНЕЦКІЙ МОСТЪ.

А все Кузнецкій мостъ.....

Грибоѣдовъ.

Есть люди въ большихъ городахъ, полагающіе себѣ необходимою обязанностію слѣдовать всѣмъ прихотямъ моды, единственно для того, чтобъ имѣть удовольствіе, вмѣстѣ съ другими, называться модниками. — Такъ думалъ я прежде: но теперь узналъ, что кромѣ удовольствія сіе названіе доставляетъ еще пользу. Оно замѣняетъ всѣ нравственные и умственные недостатки: у насъ нужно только имѣть измятую шляпу, фракъ съ пуговицами подъ клапана-

ми—и вы будете приняты въ лучшихъ обществахъ; а кто еще при этомъ заучилъ нѣсколько отборныхъ комплиментовъ на Французскомъ языкѣ, тотъ уже достигъ до nec plus ultra любезности, до совершенства въ свѣтскомъ обращеніи.

Такимъ образомъ вышелъ въ люди короткій мой приятель Лидинъ. — Лучшая рекомендація его — фракъ съ серебряными пуговицами; лучшій аттестатъ— самонадѣянность въ разговорѣ и тупыя остроты, почерпнутыя изъ старинныхъ давно забытыхъ Французскихъ альманаховъ. Но между тѣмъ онъ вездѣ принятъ; всюду его приглашаютъ, всѣ дни его разобраны; отъ чего же это? — Отъ того, что онъ говоритъ обо всемъ, ни-

чего не зная; онъ хвалитъ Слезкина, не читая его; бранитъ иногда Элегина, для разнообразія; въ театрѣ онъ первый начинаетъ шикать или хлопать, и тѣмъ поддерживаетъ или роняетъ піэсу; на балѣ — со всякой радъ танцовать и всякую радъ бранить; на бульварѣ — всякому готовъ читать свои стихи и со всякимъ готовъ идти на дуэль. Отъ этаго всѣ приглашаютъ его: смиренный риѳмоткачь зоветъ его на свой чердакъ, подчиваетъ послѣднею чашкою кофе и втираетъ въ руку дюжину билетовъ на свои оды; низкопоклонный переводчикъ устарѣлыхъ Французскихъ водевилей, въ день представленія своего дѣтища, съ учтивою записочкою, доставляетъ ему билетъ въ первый рядъ креселъ, для того, чтобъ

имѣть въ немъ друга-кликушу; добренькій папинька-старичекъ, снабженный полдюжиною дочекъ-невѣстъ, которыхъ онъ старается скорѣе сбыть съ рукъ, проситъ его на котильонъ, и надѣется, что онъ пощадитъ его дочерей при встрѣчахъ на булеварѣ; промотавшійся повѣса зоветъ его вечеркомъ на мушку, желая избавиться отъ его стиховъ; словомъ: Лидинъ вездѣ, притомъ даромъ (пунктъ весьма важный!) принятъ лучше другихъ, записанъ въ списки отличныхъ жениховъ, включенъ въ число аристарховъ и цѣнителей.

Признаюсь, что я завидовалъ успѣхамъ его въ свѣтѣ и желалъ у него поучиться жить такъ, какъ онъ живетъ; онъ согласился, экзаменовалъ меня и по моимъ

ухваткамъ заключилъ, что я могу фигурировать (*) въ свѣтѣ. Послѣ экзамена положено было начать курсъ моего ученія и первый урокъ начался съ Кузнецкаго моста.

«Сперва, сказалъ мнѣ Лидинъ, покажу я тебѣ храмъ моды, которой мы, модники, жрецы; прошу замѣчать все прилѣжнѣе и поступать такъ, какъ я, если случится когда нибудь что-либо подобное.»

Я поклонился, какъ послушный школьникъ и мы отправились; мнѣ рѣдко слу-

---

(*) Лидинъ обѣщалъ мнѣ показать на опытѣ, что это значитъ; и потому не могу ничего сказать читателямъ касательно значенія сего выраженія.

чалось ходить Кузнецкимъ мостомъ и я почти не зналъ этой улицы. Чрезъ нѣсколько минутъ мы остановились «Какъ! мы уже пріѣхали? спросилъ я, увидя вмѣсто храма моды очень обыкновенную грязную улицу.» —

«Хорошъ гусь! сказалъ иронически Лидинъ, даже Кузнецкаго моста не знаетъ! по крайней мѣрѣ молчи, чтобъ этаго никто не слыхалъ. Parbleu! это курамъ смѣхъ! не знать столицы модъ! Ignorance totale!»

Онъ покачалъ головою съ улыбкою сожалѣнія и мы пошли въ магазинъ Лажена, гдѣ, говорилъ Лидинъ, продается лучшее бѣлье. Живши въ уединеніи и приучивъ себя довольствоваться малымъ и только необходимымъ, я съ удивленіемъ разсма-

тривалъ множество предметовъ, по увѣренію Лидина необходимыхъ, а по моему мнѣнію совершенно излишнихъ.

Тутъ Лидинъ взыскалъ съ моего кошелька контрибуцію на модные галстуки, манжеты, манишки, перчатки, гребеночки, булавки; я ничего не понималъ въ ихъ достоинствѣ, оставилъ кошелекъ Лидину и началъ разсматривать магазинъ.

Я любовался новыми произведеніями моды. Тутъ я нашелъ

Все, чѣмъ для прихоти обильной
Торгуетъ Лондонъ щепетильной
И по Балтическимъ волнамъ
За лѣсъ и сало возитъ намъ;
Все, что въ Парижѣ вкусъ голодной,
Полезный промыселъ избравъ,
Изобрѣтаетъ для забавъ,
Для роскоши, для нѣги томной,

Все блистало въ ящикахъ краснаго дерева съ чистыми стеклами; все восхищало взоръ; здѣсь мелькали

Духи въ граненомъ хрусталѣ,
Гребенки, палочки стальныя,
Прямыя ножницы, кривыя,
И щетки тридцати родовъ
И для ногтей и для зубовъ.

Но всего привлекательнѣе показался мнѣ длинный четвероугольный столъ, за которымъ сидѣла дюжина молодыхъ работницъ. Представьте себѣ гурій, нимфъ или что вамъ угодно. . . но вы все не получите о нихъ точнаго и яснаго понятія: миловидность и приятность взглядовъ, простота и легкость одежды, все заставляетъ посѣтителя остановиться и

поглядѣть. Какъ только кто нибудь входитъ, то одна изъ нихъ, съ милыми ухватками Парижской субретки, подходитъ и спрашиваетъ, что угодно. Прочія, по видимому не покидая работы, слѣдуютъ за нею любопытнымъ, испытующимъ взоромъ и шепотомъ передаютъ свои лукавыя замѣчанія или надъ видомъ покупателя, или надъ его ухватками, или надъ его платьемъ.

Я былъ удивленъ натуральною ловкостію Mlle Adèle (такъ называлъ Лидинъ ту, которая подошла къ намъ, когда мы вошли въ магазинъ): съ какою милою непринужденностію описывала она намъ пользу, доброту своихъ перкалей и батистовъ; съ какою нѣжною пріятностію объясняла намъ, что нигдѣ не найдемъ

подобныхъ манжетъ и манишекъ; съ какою простодушною невинностію увѣряла насъ, что не будемъ обмануты, что купимъ очень дешево. Я готовъ былъ всему вѣрить; но она нашла сильнаго противника въ Лидинѣ, противника, котораго опыты и долговременная привычка предостерегали отъ обольщеній: онъ столько же прилагалъ стараній купить изъ самолюбія дешевле, сколько Mlle Adèle изъ нужды продать дороже.

«Что она проситъ? давай ей половину; сказалъ я на ухо Лидину.»

«Maudit profane! vous m'assomez! торговаться на Кузнецкомъ мосту! о времена! какое невѣжество!» Послѣ такого отвѣта я прикусилъ языкъ и отошелъ прочь, оставивъ ихъ въ важномъ спорѣ.

Въ это время къ крыльцу подъѣхала карета. Трехъ-аршинные лакеи отворили дверцу и изъ кареты вывалилась толстая, высокая дама, съ необыкновенно-большимъ подбородкомъ; за нею слѣдовалъ маленькій, худенькій мущинка, вѣроятно мужъ ея; и наконецъ блѣдная, но хорошенькая дочь ихъ, которой печальный видъ весьма меня тронулъ. Мнѣ невольно пришли на мысль стихи:

Мила для взоровъ живость цвѣта,
Знакъ юныхъ дней;
Но блѣдный цвѣтъ, тоски примѣта,
Еще милѣй.

Толстая дама, запыхавшись, сѣла въ широкое кресло и подозвавъ къ себѣ Гжу Лаженъ, съ видомъ покровительницы, ве-

лѣла показать себѣ заказанное приданое дочери, которую она величала громкимъ именемъ будущей Княгини. Но будущая Княгиня не слушала ничего: на ея томно-блѣдномъ лицѣ выражалась печаль и смущеніе; ни тончайшіе батисты, ни лучшія матеріи à la Giraffe, ни золотые кресты à la Jeannette, ни блузы, ни каньзу, ни блонды, ничто не могло привлечь ея взоровъ; она погружена была въ раздумье и казалась олицетворенною элегіею; впрочемъ не такою, какихъ сотнями дарятъ насъ каждый день наши плаксы-стихотворцы.

Еще разъ зазвонилъ колокольчикъ и вошелъ молодый человѣкъ, блѣдный какъ смерть; не взглянулъ ни на милую барышню, ни на насъ. Спросилъ перчатокъ;

Mlle Adèle подала ему кипу, и торговавшись съ нимъ, взяла изъ рукъ его записочку. « Ага! думалъ я; какъ наружность обманчива! вотъ-те и Кузнецкій мостъ!» Но я обманулся: вскорѣ Mlle Adèle приближилась къ будущей Княгинѣ и подавая ей модныя картинки, подала вмѣстѣ и записочку. Будущая Княгиня взяла ее; румянецъ на щекахъ извѣстилъ молодаго Адониса объ успѣшномъ исполненіи препорученія: онъ отблагодарилъ взорами торжествовавшую Mlle Adèle и хотѣлъ уйти, какъ увидѣлъ Лидина: « Ah! cher Аполлонъ Михайловичь! здорово! ты за чѣмъ здѣсь?» — « Покупаю и наставляю, отвѣчалъ съ улыбкою Лидинъ. » — « Et votre vaudeville? Скоро-ли доставитъ намъ случай похлопать отъ всей души?»—

Самъ не знаю когда; думаю, что скоро.» — «Не пожалѣемъ ладошь; nous ferons retentir le théatre de nos applaudissemens redoublés!» За симъ наговорили они себѣ тысячу привѣтствій, похвалъ, комплиментовъ, et caetera, et caetera, и потомъ разстались, какъ друзья. Тутъ и будущая Княгиня, которая украдкою посматривала на своего любезнаго, начала поговаривать объ отъѣздѣ; увѣряла мать, что въ магазинѣ нѣтъ ничего новаго, нѣтъ ничего Парижскаго; однако мать, хорошо расположившись въ креслахъ, не слушала ее, продолжала толковать съ хозяйкою магазина; а худенькій муженекъ посматривалъ боязливо ей въ глаза и кажется трепеталъ передъ нею, какъ листъ передъ грозою.

«Илья Михайловичь, спросилъ я Лидина, давно ли зовутъ тебя Аполлономъ?» «Да ужь давно; съ тѣхъ поръ, какъ я началъ выѣзжать какъ jeune homme de bon ton; это необходимо. Какъ называться Ильею? всякій засмѣетъ, подумаетъ, что я сынъ конфетчика или каретника! Morbleu! самъ Пушкинъ сказалъ, что

Обычай деспотъ межъ людей.

Да и тебѣ совѣтую сдѣлать тоже; назовись Викторомъ, Ерастомъ или какъ помоднѣе; ну куда ты покажешся съ твоимъ именемъ: Владиміръ! Fi! cela sent le vulgaire! cela sent le commun! il faut quelque chose de plus distingué.»

«Да развѣ я перемѣнюсь, перемѣнивъ

свое имя?» Спросилъ я совершенно внѣ себя отъ удивленія.

«Не перемѣнишся, само собою разумѣется.... l'opinion générale будетъ лучше....»

Тутъ будущая Княгиня прервала нашъ разговоръ.

«Monsieur Lidine, je ne vous ai pas reconnu, сказала она.»

«Я не смѣлъ васъ безпокоить, Mademoiselle, и въ тайнѣ наслаждался удовольствіемъ васъ видѣть.»

«Къ намъ откушать, Аполлонъ Михайловичь! сказалъ старичекъ, посматривая робко на свою достопочтенную супругу; пожалуйте, безъ церемоніи, щи всегда есть.»

«Всегда врешь, несносный болтунъ;

точный кампаніардъ! тебѣ ужъ тысяча разъ сказано было, чтобъ ты рта не разѣвалъ при чужихъ людяхъ; дай только домой пріѣхать! Такъ говорила толстая дама въ полголоса своему супругу; потомъ обратилась къ Лидину: прошу на блан-манже à ла Валтеръ-Скоттъ ужё въ 4 часа.»

«Не премину, Madame, отвѣчалъ ей съ низкимъ поклономъ Лидинъ; surtout pour ne pas laisser passer l'occasion favorable de vous admirer, Mademoiselle.» Послѣднее относилось къ ея дочери.

Мы вышли вмѣстѣ съ ними: Лидинъ провожалъ до дверцы будущую Княгиню, которая очень, очень развеселилась; должно быть, что содержаніе письма было для нея весьма приятно; я думаю, что

никакій бальзамъ, никакая микстура не помоглабъ такъ скоро и не подѣйствовала бы такъ благодатно.

Кто эта барышня? спросилъ я Лидина, когда карета отъѣхала. — «Это извѣстная ханжа; прежде была хороша, но теперь стара, худа, притомъ глупа, но богата, и потому интересна.» — Она дѣвушка? — «А Богъ ее знаетъ; она просилась въ монастырь, а теперь идетъ за Князя Длинноухова....» — А этотъ франтъ, который тебя такъ цѣловалъ и котораго ты такъ обнималъ? — «Глупецъ, болванъ; отставный Поручикъ. Впрочемъ добрый малой! un bon diable! Этаго Вольскаго я зналъ еще въ корпусѣ.» — А барышню почему знаешь?—«Какъ почему знаю? Mlle Oreillieff est tres-con-

ние, бываетъ на всѣхъ балахъ! у нихъ бываютъ пиры!»

Когда Лидинъ довезъ меня до Покровки, то я попросилъ его зайти ко мнѣ и разсказалъ ему приключеніе съ дѣвицею Орельевою. «Ба! закричалъ онъ въ восхищеніи, это новость! сей часъ поскачу разсказывать ее по Москвѣ! C'est bien heureux, что я первый узналъ это! Сей часъ къ Яру, тамъ вѣрно найду сотню бальныхъ знакомыхъ.» — «А на блан-манже à la Walter-Scott?» — «Богъ съ нимъ, отъ него сытъ не будешь! Какъ я обязанъ тебѣ! Vous avez donné de la nourriture à ma causticité.» —

«Когда же другій урокъ?» — «Когда тебѣ угодно, хоть каждый день готовъ;

знаешь ли, что это открытіе доставитъ мнѣ дюжину новыхъ знакомыхъ домовъ! »

« Куда же мы тогда отправимся? » — « За кулисы, mon cher, за кулисы! я посвящу тебя во всѣ Елевзинскія таинства! Прощай! » — « До свиданія! »

Стр —

ПѢСНЬ ФИНГАЛА

НА РАЗВАЛИНАХЪ БАЛКУТЫ.

Гдѣ ты, о пышный градъ, краса полей, долинъ,
Гдѣ ты главу взносилъ, какъ стражъ земнаго міра?
Ты палъ, великій градъ! Я вижу прахъ одинъ
И не взнесешься ты во области эѳира!
Здѣсь спутники вѣковъ: унынье, смерть и хладъ
Воздвигнули алтарь на мѣстѣ истребленья;
Здѣсь жертва времени — развалинъ пышныхъ рядъ
Почіетъ въ тишинѣ глубокаго забвенья.
Лишь вѣтеръ иногда встаетъ среди гробовъ,
И цвѣтъ, склонясь на стебль, одинъ ему внимаетъ;

Здѣсь черный валъ рѣки семья нагихъ дубовъ
Едва вѣтвями осѣняетъ.

Ударь, ударь, пѣвецъ, цѣвницы по струнамъ.
Пускай пробудятся могилы пѣснопѣнья!
Хвалу героямъ и вождямъ
Играйте, струны вдохновѣнья!
Ихъ нѣтъ! — и мы равно падемъ!
Увы! одинъ удѣлъ, одно насъ ожидаетъ:
Летучій мигъ сотретъ губительнымъ крыломъ,
Что смертнаго рука вѣками созидаетъ.
О дѣти времени! гдѣ прочность благъ земныхъ?
Вездѣ встрѣчаю я къ ничтожеству стремленье,
Слѣды печальные остатковъ вѣковыхъ;
Вездѣ и тлѣнъ и разрушенье.
Съ годами радость пролетитъ,
Глубокій сонъ падетъ на очи
И въ тишинѣ угрюмой ночи
Надъ гробомъ вѣтръ заговоритъ.

Гдѣ наши праотцы? Къ вамъ, ратные, взываю....
Гдѣ звѣзды вечера средь битвы роковой?
Но тщетно міръ я вопрошаю,
Ступили храбрые за камень гробовой! —
Одна молва героевъ оживляетъ,
Великихъ имена безсмертными творитъ.
О праотцы! здѣсь все мнѣ васъ напоминаетъ,
Понятнымъ языкомъ здѣсь все мнѣ говоритъ!
Потомокъ можетъ быть на камень сей ука-
жетъ,
Гдѣ спитъ отцевъ его печальный рядъ ко-
стей,
И пришлецу со вздохомъ скажетъ:
Пришлецъ! вотъ жребій всѣхъ людей!

И я свершаю путь обычной чередою! —
Кровь юности давно не грѣетъ старика,
Я гасну какъ заря вечернею порою,
Слабѣетъ для меча рожденная рука,
И зрится жизни брегъ, назначенный богами
И скоро, скоро я увижусь, тѣни, съ вами!

Такъ пѣлъ Фингалъ. Молчало все кругомъ;
На арфы опершись, пѣвцы пѣвцу внимали
И звуки нѣжные игривымъ вѣтеркомъ,
Струей прохладною, намъ въ душу пробѣгали.

Н. Степ—овъ.

ПОДРАЖАНІЕ ІОВУ.

Смертный, слабое созданье!
Вспомни, что̀ есть жизнь твоя?
Не страшися ты призванья
Изъ земнаго бытія!
Смертный! въ здѣшнемъ мірѣ радость
Долго съ жизнью не живетъ.....
О, блаженъ, кто жизни сладость
Хоть однажды обрѣтетъ!

Люди съ тяжкой жизнью сей
Лишь успѣютъ съединиться,
И надежда краткихъ дней
Съ ними только примирится, —
Вдругъ, оставить, позабыть
Смерть сей міръ повелѣваетъ.....
Ахъ! возможноль отвратить,
Что судьба опредѣляетъ!

Въ здѣшнемъ мірѣ я искать
Стану друга; но напрасно!
Тщетно буду призывать
Кликомъ радости прекрасной:
Онъ въ могилѣ, и надъ нимъ
Дружба слезы проливаетъ;
Онъ оставилъ, что своимъ
Въ мірѣ смертный называетъ.

И къ обители, гдѣ жилъ,
Прежнимъ онъ не возвратится;
Гдѣ блаженство онъ вкусилъ,
Тамъ уныніе гнѣздится;
И всесильная печаль
Тамъ терзаетъ сердце друга;
Отъ него умчалась въ даль
Радость, бытія подруга!

Но почто, Творецъ, молчать?
Не снесу я жизни бремя!
Скороль мнѣ твой даръ отдать
Вожделѣнно придетъ время?

Скоро ли ступлю, Творецъ,
Я на край земли желанный?
Скороль бытія конецъ
Я узрю обѣтованный?

Быстро время, пронесись!
Ты узришь меня въ сей долѣ!
Странникъ, странникъ! оглянись:
Ты прошелъ обширно поле.
Сбрось земное все съ себя,
Обнови существованье;
Брось, что мучило тебя:
Скорбь, надежду и страданье!

Часто думаю: свой духъ
На одрѣ я успокою;
Но видѣнія вокругъ,
Вѣжды лишъ свои закрою,
Въ мракѣ ночи предо мной,
Грозною толпой летаютъ,
Гонятъ сладостный покой,
Сердце страхомъ обнимаютъ.

Чуть на небѣ потухать
Станетъ блѣдный свѣтъ зарницы,
Ужь я жажду увидать
Восхожденіе денницы;
Лишь взойдетъ: съ ея лучемъ
Жду терпѣнію награды;
Но не чувствую въ своемъ
Сердцѣ горестномъ отрады.

Такъ всѣ дни я проводилъ;
Духомъ горестнымъ страдая,
Быстро къ цѣли я спѣшилъ,
И искалъ, не обрѣтая;
Такъ я силился разбить
Бытія сосудъ прекрасный:
Мнѣ мученье въ мірѣ жить;
Жизнь окончить не ужасно!

Дай хоть разъ мнѣ подышать
Отъ мученій на свободѣ;
Дай хоть разъ мнѣ увидать
Радость въ мрачной сей природѣ!

Быстро дни мои летятъ,
И надежда угасаетъ;
Мигъ веселья здѣсь крылатъ,
Лишь печаль не измѣняетъ.

Живъ еще несчастный я.....
Но съ денницей молодою
Что̀ узритъ душа моя? —
Прахъ смѣсится мой съ землею
И, гдѣ слышали мой стонъ,
Не найдутъ и вздоха жизни;
И на утро скажутъ: онъ
Улетѣлъ къ своей отчизнѣ!

Ж.

НАБѢГЪ ГОРЦЕВЪ.

I.

Едва заря младой денницы
Разторгла ночи мракъ густой
И надъ Донскою стороной
Взвились птицъ раннія станицы;
Еще дремалъ угрюмый боръ,
Скрываясь въ утреннемъ туманѣ;
Молчало все; въ почившемъ станѣ
Лишь ночи бодрствовалъ дозоръ;
Да иногда пѣвецъ природы
Долъ дикій пѣньемъ оглашалъ
И снова тихо замолкалъ
Въ часъ сладкій утренней свободы:
Вдругъ гулъ раздался вѣстовой
И пробѣжалъ надъ ратнымъ станомъ;

Ему отгрянулъ въ слѣдъ другой,
И вскорѣ, въ заревѣ багряномъ
Младой зари, на темѣ горъ,
Блеснули хищныхъ Горцевъ силы
И быстро хлынули на долъ
Изрыть мечемъ врагамъ могилы.
Летятъ — и постъ передовый
Мгновеннымъ натискомъ сломили,
И тучи пыльныя затмили
Сводъ неба нѣжно-голубый.
Воспрянулъ станъ и гласъ призывный
Трубы къ сраженью прогремѣлъ
И всякій, вспыхнувъ, полетѣлъ
На пиръ кровавый, пиръ обильный!

II.

Рѣдѣла мгла; росой сребристой
Туманъ ложился на поля,
Алѣла яркая заря;
Яснѣло все—и миртъ душистой

Приятный запахъ разливалъ,
Рѣка смѣлѣй струи катила,
Окрестность солнце озлатило:
Но бой еще не умолкалъ;
Сшибались въ воздухѣ картечи,
Дымилась всюду кровью сталь,
Летала смерть средь ярой сѣчи,
Алкая жертвъ на свой алтарь. —
Тамъ — всадникъ всадника срѣтаетъ,
Сразилъ и мчится въ новый бой,
Но выстрѣлъ грянулъ роковой
И онъ сномъ вѣчнымъ засыпаетъ!
Тамъ — конь несется съ козакомъ,
Кровавой пѣной обагренный,
Надъ нимъ летаетъ смерти громъ;
Но, силой щастья окриленный,
Донецъ, склонившися къ лукѣ,
Поводья бросивши по волѣ,
Какъ соколъ ясный, въ чистомъ полѣ
Слѣдитъ врага — съ копьемъ въ рукѣ.

III.

Клубится пыли столбъ густой,
Сліянный съ дымомъ битвы ярой....
Но смолкли мѣдныхъ жерлъ удары
И шумъ тревоги боевой!
Бѣгутъ строптивые толпами
Съ долины сѣчи роковой....
И подъ побѣдными шатрами
Вкушаютъ храбрые покой!

В. Григорьевъ.

Deacidified using the Bookkeeper process.
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: Dec. 2006

PreservationTechnologies
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111

LIBRARY OF CONGRESS
00025337852